

Судьба Гульянова и трудовъ его, о которыхъ съ такимъ уваженіемъ и сочувствіемъ отзывался Грановскій, намъ неизвѣстна. Кажется, что рукописи его такъ и погбли; то что было напечатано, не признано позднѣйшими Египтологами.

Мы слышали по преданію, что Гульяновъ былъ сыномъ проживавшаго подѣ Москвою (въ селѣ Всесвятскомъ) князя Маврокордата, находившагося въ родственныхъ связяхъ съ княгиней Е. Р. Дашковой.

И. Б.

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ В. А. ИНСАРСКАГО *

I.

Департаментъ стараго времени.—Первыя мои впечатлѣнія.—Сенаторъ Дубенскій, тицъ начальника прежняго времени.—Мои работы и успѣхи.—Радость при полученіи штатнаго мѣста.—Первая награда.—Поездка на родину.—Возведеніе меня въ столоначальника и шутка по этому случаю Дубенскаго.—Мое знакомство съ Лермонтовымъ.—Разрушеніе Департамента Государственныхъ Имуществъ и паденіе Дубенскаго.—Переворотъ въ моей служебной карьерѣ.

Мнѣ было около 18 лѣтъ, когда я прибылъ въ Петербургъ и поступилъ въ составъ Департамента Государственныхъ Имуществъ, помѣщавша-

*) Читатели наши помнятъ мастерскіе разсказы, появившіеся въ Русскомъ Архивѣ 1868 и 1869 годовъ (Поездка въ Баку, Кавказскіе праздники, Походъ 1859 года, Общество посѣщенія бѣдныхъ въ С. Петербургѣ). Нынѣ мы убѣдили автора подѣлиться съ любителями историческихъ воспоминаній еще нѣсколькими главами его Записокъ, касающимися первыхъ лѣтъ его службы. Главы эти, кромѣ талантливаго и живаго изображенія протекавшихъ лѣтъ, важны для насъ еще и тѣмъ, что въ нихъ разсказано возникновеніе многознаменательнаго въ исторіи Русской внутренней жизни Министерства Государственныхъ Имуществъ. Къ сожалѣнію, исторія не любить живыхъ, и потому цѣлыя страницы этихъ главъ не могли появиться въ печати. И. Б.

гося тогда въ зданіи Главнаго Штаба. Это было въ концѣ 1832 года.

Описывать первыя впечатлѣнія мои при вступленіи въ столицу я не стану. Многіе сами испытали эти впечатлѣнія; остальные же не разъ имѣли случай и возможность читать изображеніе этихъ впечатлѣній въ многообразныхъ произведеніяхъ нашей литературы. Кромѣ того я не имѣю рѣшительно никакой претензіи приписать моимъ разсказамъ какое либо литературное достоинство: единственная моя претензія заключается въ томъ, чтобы вѣрно и просто передать то, что на мои глаза было замѣчательнаго въ моей жизни.

Замѣчательнымъ я считаю то, что когда я вступилъ въ широкія и высокія палаты Департамента, наполненныя Петербургскими чиновниками, мною овладѣло чувство великаго счастья. Надобно замѣтить, что въ мой родной городъ пріѣзжали иногда чиновники изъ Петербурга и, разумѣется, дѣлались предметомъ изумленія и изученія всѣхъ мѣстныхъ чиновниковъ. Такъ, я помню, пріѣзжалъ туда сенаторъ Горголи съ толпою чиновниковъ для ревизіи. Боже милосердый! Сколько было толковъ и разсужденій относительно фасоновъ платья, которые они вывезли изъ столицы, ихъ причесокъ, ихъ манеръ. Это были идеалы чистѣйшаго совершенства, которымъ, во что бы то ни стало, всѣ старались подражать. Понятно, что я не могъ не вырости въ собственныхъ глазахъ, становясь самъ Петербургскимъ чиновникомъ и тотчасъ задумывая, въ свою очередь, самъ задать шикъ брошеннымъ провинціальнымъ моимъ товарищамъ. Что ни говори, а стремленіе отличиться, чѣмъ бы то ни было предѣ другими, стать какъ нибудь повыше

своего ближняго, такъ присуще чело-
вѣчеству, что едвали кто нибудь
не испытываетъ его подъ тою или
другою формою. Это стремленіе, на-
правленное на первый разъ исклю-
чительно на среду, которую я оста-
вилъ въ Пензѣ, не ограничивалось
одною внѣшнею стороною. Я испы-
тывалъ великое наслажденіе, занима-
ясь въ высокихъ, свѣтлыхъ, чистыхъ
комнатахъ, въ которыя я входилъ
какъ свой челоуѣкъ, среди серьез-
ныхъ, благоприличныхъ, увѣшан-
ныхъ крестами чиновниковъ, тогда
какъ мои прежніе товарищи служи-
ли или должны были служить въ гряз-
ныхъ комнатахъ и съ грязноватыми
товарищами мѣстныхъ присутствен-
ныхъ мѣстъ.

Припоминая, однакожъ, первыя мои
впечатлѣнія Петербургской жизни и
службы, я долженъ сказать, что надъ
всѣми этими тщеславными ощущені-
ями рѣшительно и могущественно
господствовала надежда, своими успѣ-
хами, рано или поздно, возвеселить
сердце родительское. Безъ преувели-
ченія, со всею искренностію, утвер-
ждаю, что эта надежда была глав-
нымъ и сильнѣйшимъ двигателемъ
моимъ въ новой средѣ...

Весьма понятно, что мальчикъ, по-
луобразованный, безъ всякихъ свя-
зей и знакомствъ, безъ всякаго по-
кровительства, я и не могъ ничего
другаго ожидать, какъ зачисленія ме-
ня въ многочисленную касту депар-
таментскихъ писцовъ. Жалованія мнѣ
было назначено 300 р. ассигнаціями.
Здѣсь кстати замѣтить, что Дубен-
скій, управлявшій Департаментомъ,
имѣлъ свою особую систему распре-
дѣленія жалованія чиновникамъ. Ни
писцамъ, ни штатнымъ чиновникамъ
онъ никогда не давалъ сразу всего
жалованія, слѣдующаго по штату, а

назначая сначала сколько можно ме-
ньшую сумму, потомъ, постепенно и
въ нѣсколько приѣмовъ, увеличивалъ
ее и такимъ образомъ въ годъ или
два только доводилъ ее до окладна-
го размѣра. Этимъ способомъ онъ до-
стигалъ двухъ цѣлей: образованія зна-
чительныхъ остатковъ отъ штатныхъ
суммъ, изъ которыхъ, по большимъ
торжественнымъ днямъ, онъ давалъ
награды наиболѣе достойнымъ и от-
личившимся чиновникамъ и въ тоже
время самаго дѣйствительнаго спосо-
ба поощренія: ибо какой бы ни былъ
чиновникъ, трудолюбивый или нетру-
долобивый, для него равно было не-
обходимо стремиться къ достиженію
полнаго оклада. Еще болѣе понятно,
что мое жалованье составляло ни-
чтожную часть той суммы, какая
требовалась на мое содержаніе, и от-
цу моему, не смотря на ограничен-
ныя его средства, приходилось дѣ-
лать значительныя дополненія, хотя,
подъ вліяніемъ того же сильнаго
стремленія доставлять моей семьѣ все-
возможныя радости своею службою и
своимъ поведеніемъ, я старался быть
экономнымъ до крайней степени, и
требованія мои денежныхъ пособій
основаны были на самой неотврати-
мой необходимости.

Департаментъ всецѣло привязалъ
меня къ себѣ. Я съ наслажденіемъ
ожидалъ времени отправления туда и
приходилъ едвали не ранѣе всѣхъ,
оставаясь тамъ такъ долго, какъ толь-
ко можно. Этому способствовало и то
обстоятельство, что Дубенскій, приѣз-
жая и уѣзжая изъ Департамента, про-
ходилъ мимо того стола, за которымъ
я сидѣлъ и иногда молчаливо загля-
дывалъ въ лежавшія предо мною бу-
маги. Первымъ моимъ начальникомъ
былъ правитель канцеляріи Департа-
мента И. И. Ш., бывшій въ послѣдствіи,

по образованіи Министерства Государственныхъ Имуществъ, директоромъ втораго департамента этаго министерства. Ш. былъ человѣкъ дѣловой, но съ застарѣлыми приѣмами и топорной, такъ сказать, формы. Репутація его была весьма сомнительна. Завѣдуя дѣлами о замѣщеніи должностей, о наградахъ и т. п. и пользуясь довѣріемъ Дубенскаго, онъ имѣлъ большое значеніе въ вѣдомствѣ и, какъ говорили, порядкомъ нагрѣвалъ себя руки. Поведеніе его тоже не было безукоризненно потому, во первыхъ, что онъ имѣлъ связь съ какою-то, отбитою имъ у мужа, женою матроса, сдѣлавшеюся въ послѣдствіи его женою, а во вторыхъ потому, что любилъ разныя питія, такъ что люди съ тонкимъ обоняніемъ постоянно замѣчали у него запахъ извѣстнаго рода. Впрочемъ, по отношенію ко мнѣ, онъ былъ вполнѣ добрый начальникъ и, вѣроятно во вниманіе къ моей молодости, любилъ приласкать меня. Часто, проходя мимо, осѣненный Владиміромъ, котораго никто не умѣлъ носить такъ блестяще и эффектно, какъ онъ, бывало остановится, посмотритъ на мою работу и, потрепавъ меня по плечу, скажетъ: „хорошо, трудись!“

Каллиграфическое искусство страшно поглотило меня. Я старался подражать всѣмъ извѣстнымъ въ этомъ отношеніи мастерамъ и достигъ весьма удовлетворительныхъ результатовъ, что и было причиною, что меня скоро засадили въ какую-то отдѣльную комиссію, занимавшуюся составленіемъ обширнаго труда, подъ названіемъ Статистическаго Обзоренія Государственныхъ Имуществъ съ планами и другими многообразными и затѣйливыми приложеніями. Въ этой комиссіи я такъ усердно занимался,

что у меня кровь стала показываться горломъ; но въ тоже время начала у меня образовываться репутація хорошаго и усерднаго чиновника. Заправлялъ этимъ дѣломъ начальникъ чертежной Вестенрикъ, не блестящій Нѣмецъ, но хорошій специалистъ по своему дѣлу, подъ главнымъ впрочемъ наблюденіемъ другаго Нѣмца, вице-директора 1-го департа, Э...льма бывшаго потомъ членомъ Комиссіи Прошеній и отличавшагося не столько дѣловитостію, сколько любовью къ прекрасному полу и разными разсказами по этой части. Трудъ, которымъ они занимались, сколько могу припомнить, былъ трудъ весьма почтенный, состоявшій изъ нѣсколькихъ большихъ томовъ, отдѣлялся весьма тщательно лучшими писцами и чертежниками и былъ представленъ Государю. Ожидали, по обыкновенію, большихъ наградъ; но эти ожиданія, кажется, не исполнились. По крайней мѣрѣ я ничего не получилъ, кромѣ порядочной репутаціи, которую себя тамъ заслужилъ.

По окончаніи этой работы, меня прямо сдѣлали писцомъ перваго разряда (мимо втораго), съ окладомъ 750 р., назначеннымъ, по обычаю Дубенскаго, не вдругъ, а въ нѣсколько приѣмовъ, и перевели въ отдѣленіе, вновь образованное для завѣдыванія конфискованными тогда у Поляковъ имѣніями. Здѣсь я съ благодарностію долженъ вспомнить о двухъ ближайшихъ моихъ начальникахъ: столоначальникъ Ждановъ, бывшемъ потомъ долгое время Харьковскимъ вице-губернаторомъ и начальникъ отдѣленія Голубевъ, заключившемъ свою карьеру должностію члена Совѣта Министерства Финансовъ и чиномъ тайнаго совѣтника. Замѣтивъ мою ретивость и смышленость, они стали за-

нимать меня дѣлопроизводствомъ и этимъ самымъ первые, такъ сказать, открыли мнѣ дорогу къ той будущности, которую многіе признавали весьма счастливою. Труды мои на этомъ пробномъ полѣ, вѣроятно, не отличались бездарностію, потому что, при первой открывшейся вакансіи помощника столоначальника, Ждановъ и Голубевъ завоевали ее мнѣ, не смотря на страшное упорство Дубенскаго, упорство, основанное единственно на моей молодости.

Здѣсь я долженъ остановиться. Какъ ни ничтожно это обстоятельство само по себѣ, но я не помню въ моей жизни другаго момента, столь блестящаго, столь полного самыхъ отрадныхъ ощущеній, хотя Богу угодно было даровать мнѣ много успѣховъ и много счастья. Восторгъ мой не имѣлъ предѣловъ. Мнѣ казалось, всѣ на меня смотрятъ и всѣ мнѣ удивляются. Здѣсь можно бы привести множество сравненій; но я полагаю болѣе вѣрнымъ уподобить мои ощущенія упоенію кадета, надѣвшаго новый красивый офицерскій мундиръ. Но меня радовала не внѣшняя перемена, которой и не было: я гордился тѣмъ, что изъ массы механическихъ труженниковъ я переходилъ въ ряды умственныхъ дѣятелей, что выдвинулся въ то положеніе, гдѣ буду не переписывать уже, а сочинять бумаги, вышедъ на ту дорогу, которая можетъ вести далеко, далеко...

И дѣйствительно: на этой дорогѣ мнѣ тотчасъ выпали труды страшные, которые уже положительно утвердили за мною репутацію человека способнаго. Въ ряду задачъ новаго отдѣленія было производство люстраціи конфискованнымъ у Польскихъ мятежниковъ имѣніямъ. Люстраціей называлось подробное, во

всѣхъ отношеніяхъ, описаніе имѣній, установленіе повинностей крестьянъ къ такъ называемой эконсміи, замѣнившей владѣльца и опредѣленіе дохода, какой долженъ былъ поступать въ казну. Часто имѣніе, принадлежавшее какому нибудь знаменитому Польскому владѣльцу, Сапѣгѣ, Чарторижскому, Потоцкому, состояло изъ нѣсколькихъ деревень и фольварковъ. Понятно, что въ Д-тѣ поступали, подъ названіемъ люстраціи, горы огромныхъ кипъ съ планами и разнообразными приложеніями. Разсмотрѣніе и критическій разборъ этихъ книгъ и плановъ составляли главнѣйшій трудъ Отдѣленія, трудъ, требовавшій большаго вниманія и соображенія. Дѣлопроизводитель, на долю котораго доставалась какая либо люстрація, большею частію скрывался, со всѣмъ скарбомъ, къ ней относящимся, изъ Департамента, на недѣлю или на двѣ, зарывался дома въ этой работѣ и вновь появлялся тогда только, когда окончательно одолевалъ ее. Въ этой-то именно работѣ, которая рѣшительно подавляла многихъ изъ моихъ товарищей, мнѣ Богъ послалъ какое-то особенное разумѣніе, такъ что я скоро сдѣлался истиннымъ художникомъ по этой части. Какъ бы ни были громадны матеріалы, какъ бы ни были сложны данныя, опредѣляющія повинности, доходы и т. п., я быстро узнавалъ свѣтлую дорогу, по которой и приходилъ къ самымъ существеннымъ результатамъ. Достаточно было одной или двухъ ночей, чтобъ одолѣть самую сложную люстрацію самаго огромнаго имѣнія и составить ясный, полный и отчетливый докладъ. Труды эти рѣшительно прославили меня въ Д-тѣ, такъ что Голубевъ, мой начальникъ Отдѣленія, носилъ представляемые мною до-

клады самому Дубенскому, какъ нѣчто поражающее.

Въ воздаяніе этихъ подвиговъ, я скоро былъ представленъ къ высочайшей наградѣ и получилъ полугодовой окладъ жалованія, составлявшій, за вычетомъ, 540 рубл. Деньги эти я тотчасъ убилъ на сооруженіе себѣ щегольскаго гардероба, что было весьма кстати, потому что вслѣдъ за тѣмъ я получилъ неожиданно радостную возможность отправиться на родину. Обстоятельство это такъ рельефно выдается въ моей молодости, что я не могу не посвятить ему нѣсколькихъ строкъ.

Между молодыми и недостаточными чиновниками того времени былъ въ большомъ употребленіи слѣдующій экономическій способъ: нѣсколько человѣкъ, двое, трое, иногда четверо, отдѣльно скудные въ средствахъ, соединяли эти средства во едино и гуртомъ нанимали квартиру, держали столъ и имѣли прислугу. Понятно, какъ этотъ способъ былъ дѣйствителенъ по своей выгоде. Такъ точно и я жилъ вмѣстѣ съ двумя братьями Юркевичами, изъ которыхъ одинъ скоро умеръ а другой закопался въ своей Малороссіи. Жили мы не роскошно, но чрезвычайно весело. Не проходило дня, чтобъ у насъ не собиралась толпа пріятелей, или мы сами не были бы у знакомыхъ. Домъ, въ который входилъ одинъ изъ насъ, дѣлался доступнымъ для всѣхъ. Время рождественскихъ праздниковъ, масленицы и т. п. представляло цѣпь безконечныхъ пировъ, съ которыхъ мы прямо, безъ сна, отправлялись къ должности... Я помню, однажды, возвратившись съ какого-то бала, я долженъ былъ выслушать несвязный докладъ нашего пьянаго слуги, что ко мнѣ кто-то присылалъ,

меня кто-то приглашалъ... Не добившись отъ него толку и сочтя все это произведеніемъ пьянаго его воображенія, я преспокойно улегся спать и на другой день столь же спокойно отправился въ Д-ть. Едва я появился туда, какъ одинъ изъ курьеровъ тотчасъ спросилъ меня: былъ ли я у Дубенскаго, который вчера посылалъ ко мнѣ? Ошеломленный этимъ вопросомъ и смутно начиная понимать безсвязную болтовню нашего лакея, я рѣшительно сталъ въ тупикъ и не зналъ, что дѣлать? Надобно сказать, что Дубенскій былъ по истинѣ грозою своего Департамента. Его трепетали начальники Отдѣленій, не смотря на то, что были ежедневно въ личныхъ съ нимъ сношеніяхъ. До нашего брата онъ никогда не снисходилъ и если случалось, что кто нибудь изъ незначительныхъ чиновниковъ удостоивался его слова, то это было предметомъ толковъ на цѣлую недѣлю. Мысль, что я не исполнилъ его приказанія, неизвѣстность, зачѣмъ онъ меня требуетъ, сознаніе, наконецъ, что въ ту минуту я одѣтъ былъ далеко не по формѣ, а съ признаками несомнѣннаго франтовства, которое скрыть и уничтожить было невозможно, все это до такой степени перепуталось въ моей головѣ, что я стоялъ, какъ полоумный и не знаю, что бы изъ этаго вышло, еслибы тотъ же курьеръ, видя мою растерянность, не сказалъ тономъ почти повелительнымъ: „ступайте же сейчасъ, а то бѣды наживете.“ Бросившись на перваго извозчика, я полетѣлъ къ Таврическому саду, гдѣ жилъ Дубенскій въ своемъ домѣ. Нечего и говорить, что мысли одна другой мрачнѣе, одна другой тревожнѣе, преслѣдовали меня. Вопросъ: зачѣмъ я потребованъ, страшно и неотступно му-

чилъ меня. Робкими шагами вступилъ я въ переднюю и голосомъ, до крайности мягкимъ и заискивающимъ, объяснилъ камердинеру свое положеніе. Какъ преступникъ, съ трепетомъ ожидалъ я въ приемной появленія грозной фигуры Дубенскаго. Когда онъ вышелъ, у меня въ глазахъ потемнѣло; но въ ту же минуту по тону его голоса,—я убѣдился, что бѣдственнаго ничего не предстоитъ. Своеобразный, съ приемами истиннаго барина, онъ ласково подошелъ ко мнѣ съ словами: „Я очень доволенъ тобою и хочу сдѣлать тебѣ пріятное. Сынъ Порфирій ѣдетъ въ Пензу; если хочешь, можешь отправиться съ нимъ и повидаться съ отцомъ.“ Трудно объяснить переходъ мой изъ положенія, страшно томительнаго, въ положеніе, полное надеждъ и радостей. Я пустился было въ изъясненіе благодарныхъ чувствъ; но Дубенскій, полуласково, полупутливо сказалъ: „Хорошо, хорошо, только такимъ франтомъ въ другой разъ мнѣ не попадайся.“ Нечего говорить, что чувства, съ которыми я возвращался отъ Дубенскаго, были далеко не тѣ, съ которыми я ѣхалъ къ нему.

Порфирій Дубенскій, въ то время блестящій адъютантъ военнаго министра, сказалъ мнѣ, что онъ ѣдетъ на другой день, въ простой зимней повозкѣ, на курьерскихъ. вмѣстѣ съ тѣмъ онъ пригласилъ меня не брать съ собою много вещей. Этому требованію для меня было нетрудно удовлетворить, потому что у меня и вообще не было много вещей. Сосредоточивъ все свое вниманіе на моихъ фракахъ и пальто, которыми я считывалъ произвести эффектъ на родинѣ и запаковавъ ихъ въ небольшой чемоданъ, я вовсе не озаботился по части дорожнаго платья и, отправив-

шись на легкѣ, испыталъ весьма горькія послѣдствія.

Зима тогда была самая суровая, морозы стояли выше 30°, дорога была убійственна по своимъ страшнымъ и безконечнымъ ухабамъ. Скоро я началъ положительно страдать, сколько отъ морозовъ, столько же и отъ дороги. Дни еще были сносны скольконибудь, хотя и въ теченіи дня мы должны были поочередно оттирать непрерывно-блѣвшіе наши носы и уши. Великолѣпные обѣды, которые задавалъ ежедневно Дубенскій, значительно сдобривали дневной нашъ путь; но о безконечныхъ ночахъ я и теперь не могу вспомнить безъ ужаса. Быстрая ѣзда была невозможна, потому что при малѣйшемъ опытѣ насъ всѣхъ разбрасывало въ стороны; идти пѣшкомъ, чтобы скольконибудь согрѣться, по глубокимъ выбоинамъ, тоже было нельзя. Мы должны были оставаться въ повозкѣ и медленно нырять изъ одного ухаба въ другой, оконченныя до полусмерти. Живю помню, что, какъ ни радостно было сознаніе, что я ѣду на родину, мною часто овладѣвало отчаяніе, и Богъ знаетъ, едвали не былъ бы я согласенъ возвратиться, если бы какойнибудь волшебникъ предложилъ мнѣ перенестись мгновенно опять въ Петербургъ.

Но все имѣетъ свой конецъ. Такъ точно кончилось и наше, можно сказать, ледяное путешествіе, и въ одну лунную ночь я укрылся подъ родительскимъ кровомъ. Говорить о радостяхъ свиданія съ моимъ семействомъ значило бы изображать вещи избитыя и едвали не всѣмъ извѣстныя. Меня просто на рукахъ носили, видя во мнѣ, вмѣсто недоученаго мальчика, отправленнаго въ Петербургъ, Петербургскаго чиновника, вполне сформировавшагося, съ Пе-

тербургскими манерами, въ Петербургскомъ платьѣ. Разнообразныя удовольствія, въ которыхъ я буквально плавалъ, увеличились выходомъ старшей моей сестры замужъ и сопряженными съ тѣмъ свадебными церемоніями, которыя открывали мнѣ широкое поле для проявленія моихъ талантовъ, оправленныхъ въ Петербургскую форму...

По возвращеніи моемъ въ Петербургъ, я скоро былъ сдѣланъ столоначальникомъ. Надобно сказать, что въ мое время эти мѣста, теперь незначительныя, считались весьма достопочтенными, и я помню много сѣдыхъ головъ въ разрядѣ столоначальниковъ. Естественно, что мальчишка, возведенный въ этотъ разрядъ, долженъ былъ производить различныя толки, какъ нѣчто небывалое. Я выше сказалъ, что Дубенскій имѣлъ обычай всѣ милости своимъ чиновникамъ: повышение въ должностяхъ, увеличеніе жалованія и т. п., рассыпать предъ большими праздниками или въ большіе и торжественные царскіе дни. 6-го Декабря, день именинъ Государя и самаго Дубенскаго, былъ самымъ замѣчательнымъ въ этомъ отношеніи.

Мое опредѣленіе столоначальникомъ пришлось предъ Святой Пасхой. По обычаю, издавно заведенному, всѣ ошастливленные должны были въ извѣстный день являться къ Дубенскому и приносить ему свою благодарность. Когда мы явились, Дубенскій обошелъ всѣхъ и, поздравивъ ихъ, довольно сурово обратился ко мнѣ съ вопросомъ: „ты за чѣмъ?“ Вопросъ этотъ чрезвычайно смутилъ меня; тѣмъ не менѣе я отвѣчалъ: „благодарить в. пр-во за назначеніе столоначальникомъ.“ Дубенскій, сдѣлавъ изумленный видъ, спросилъ:

„Что такое? Столоначальникомъ? Кого? Тебя столоначальникомъ? Съ ума, братъ, видно, сошелъ! Мальчишку, и молоко еще на губахъ не обсохло, столоначальникомъ! Далеко я уѣду съ такими столоначальниками! Да кто тебѣ сказалъ такую нелѣпость? Э, братъ, понимаю! Тебя просто ктонибудь вздумалъ обмануть и ввести въ просакъ! Вѣдь нынче Апрель. А ты и повѣрилъ! Ну вотъ спросимъ Ив. Ив. (правителя канцеляріи Ш., о которомъ я выше говорилъ): онъ долженъ на вѣрно знать. Ив. Ив! Чтò онъ тутъ толкуетъ? Говорить, что столоначальникомъ сдѣланъ. Кажись, у насъ еще и не бывало такихъ столоначальниковъ? Я полагаю, что его обманули, а онъ и повѣрилъ. Разу-вѣрь, братецъ, его“. Ш., вмѣстѣ со всѣми другими присутствовавшій при этой сценѣ, почтительно и полушутливо отвѣчалъ: „Дѣйствительно, ваше пр., онъ сдѣланъ столоначальникомъ. Министръ утвердилъ докладъ.“— „Чтò ты,“ возразилъ Дубенскій „можетъ ли это быть? Это, видно, какаянибудь ошибка! Ну нечего дѣлать. Не докладывать же министру, что промахъ сдѣлали. Нечего дѣлать. Поздравляю. Служи хорошенько!“...

Дубенскій былъ великой мастеръ на подобныя штуки, которыми онъ такъ умѣлъ возвышать цѣну своихъ милостей. Вообще, сколько самъ могу припомнить эту личность и безконечныя толки и отзывы о ней, это былъ человекъ въ высшей степени замѣчательный, который умѣлъ держать власть въ рукахъ сильно и твердо. Богатый, гордый, истинный баринъ прежняго времени, онъ отличался совершенною независимостію. По общему мнѣнію, онъ самаго министра подчинялъ своему вліянію и при малѣйшимъ разногласіи тотчасъ

подавалъ въ отставку. Высокомѣріе его не знало предѣловъ и, разумѣется, произвело тысячи самыхъ ожесточенныхъ враговъ, которые, наконецъ, и свалили его... Состоя въ званіи сенатора, онъ держалъ себя такъ, что какъ будто дѣлалъ величайшее одолженіе правительству, что управлялъ государственными имуществами, въ несомнѣнномъ сознаніи, что замѣнить его невозможно. Мнѣ грустно припоминать, что этотъ колоссъ своего рода, сверженный разными интригами, долженъ былъ имѣть нужду въ томъ самомъ мальчикѣ, который для него былъ едва замѣтенъ въ огромной массѣ трепетавшихъ предъ нимъ департаментскихъ чиновниковъ. Но я не буду забѣгать впередъ...

Другимъ столоначальникомъ въ томъ же Отдѣленіи — былъ Раевскій, кажется самъ ничего не написавшій, но имѣвшій значительныя литературныя связи. Былъ-ли онъ родственникъ Лермонтову, или однокашникъ по мѣсту образованія или наконецъ просто землякъ, я не знаю; но только въ то время они жили вмѣстѣ съ Лермонтовымъ. Я весьма часто бывалъ у нихъ и конечно не могъ предвидѣть, что этотъ некрасивый, мало-симпатичный офицерикъ, такъ любившій распѣвать тогда не совсѣмъ скромную пѣсню, подъ названіемъ „поповны“, сдѣлается впоследствии знаменитымъ поэтомъ. Этотъ Раевскій постоянно приносилъ въ Департаментъ поэтическія издѣлія этаго офицера. Я живо помню, что на меня навязали читать и вывѣрять „Маскарадъ“, который предполагали еще тогда поставить на сцену. Точно также помню одинъ пріятельскій вечеръ, куда Раевскій принесъ только что написанныя Лермонтовымъ стихи на смерть Пушкина, которые и пе-

реписывались на томъ же вечерѣ въ нѣсколько рукъ и за которые вскорѣ Лермонтовъ отправленъ на Кавказъ, а Раевскій, кажется, въ Саратовскія или Астраханскія степи, гдѣ и пріютился у какого-то хана въ качествѣ секретаря...

Въ періодъ моего столоначальничества, я сталъ уже окончательно на твердую ногу въ мірѣ чиновничьемъ и глядѣлъ на этотъ міръ самоувѣренно. Въ этомъ періодѣ, иногда, подобно громовымъ раскатамъ, раздавались какіе-то зловѣщіе толки относительно будущности нашего Департамента. Въ этихъ толкахъ и вѣстяхъ всегда произносилось имя Киселева и мало-по-малу онъ, таинственный и неизвѣстный, принялъ для насъ, небольшихъ чиновниковъ, значеніе Антихриста, который разоритъ Д-тъ и насъ всѣхъ съѣстъ. Мы знали, не совсѣмъ впрочемъ ясно, что предъ тѣмъ образовано V Отдѣленіе Собственной Е. И. В. Канцеляріи *), что этому Отдѣленію отдана для образцоваго управленія Петербургская губернія (по части государственныхъ имуществъ) и что этимъ отдѣленіемъ командуетъ какой-то генералъ Киселевъ. Высшимъ чинамъ, и особенно Дубенскому, безъ сомнѣнія извѣстны были тѣ грозныя отношенія, въ которыя поставлено V Отдѣленіе къ нашему Департаменту и то значеніе, которое постоянно забиралъ Киселевъ. Мы просто ничего не знали по этой части, а если и прислушивались иногда къ нѣкоторымъ толкамъ, то мало тревожились ими и считали ихъ относящимися ко второму пришествію. Между тѣмъ буря приближалась и, внезапно разразившись, поколебала

*) См. замѣчательную статью г. Лебедева объ этомъ Пятomъ Отдѣленіи, въ 32 номерѣ „Гражданина“ 1872 года. II. Б.

нашъ бѣдный Департаментъ отъ низу и до верху...

Событія открылись слѣдующимъ образомъ. Въ послѣднихъ числахъ Декабря 1836 г., когда мы, усиленно занимаюсь дѣлами, работали при свѣчахъ, вдругъ разнеслась по Департаменту вѣсть, что Государь требуетъ всѣ заготовляемые по Департаменту доклады, помимо министра, прямо къ себѣ, на свое разсмотрѣніе. Можно представить, какъ радостна была эта вѣсть для всѣхъ, занимавшихся дѣлопроизводствомъ и, главное, для столоначальниковъ и начальниковъ отдѣленій. Но бѣда пришла съ той стороны, съ которой менѣе всего можно было ожидать ее. По закону, дѣйствительно каждый департаментъ долженъ представлять министру свои доклады съ изложеніемъ своихъ соображеній и мнѣній; когда министръ утвердитъ докладъ, тогда только должны быть заготовляемы исполнительныя бумаги. У насъ дѣлалось не такъ, и докладовъ вовсе не составлялось: при огромной массѣ дѣлъ эта процедура неизбѣжно замедляла бы движеніе ихъ и страшно обременяла бы дѣлопроизводителей. Дубенскій согласился съ министромъ не заготовлять особыхъ докладовъ, а прямо представлять ему исполнительныя бумаги, для чего, въ извѣстные докладные дни, вмѣстѣ съ Дубенскимъ, отправлялись къ министру и всѣ начальники отдѣленій, которые и могли объяснять ему и сущность дѣла, и всякія недоумѣнія, какія министръ могъ встрѣтить *). Такой порядокъ, въ слѣдствіе давности времени, до такой степени казался намъ правильнымъ и естественнымъ, что Департаментъ, нисколько не задумываясь,

*) Министромъ былъ графъ Канкринъ, ибо Департаментъ Государств. Имуществъ принадлежалъ къ Министерству Финансовъ. П. Б.

послалъ Государю проекты исполнительныхъ бумагъ, т. е. то самое, что представляли и посылали министру. Такое распоряженіе казалось намъ вполне удовлетворительнымъ и отвѣчающимъ требованію Государя; но грозное его замѣчаніе, что онъ требуетъ не бумагъ, а докладовъ, которые, на основаніи закона, должны представляться министру, ошеломило насъ и повергло въ пучину мрачныхъ думъ. Разумѣется, составлено было объясненіе, почему дѣлается такъ, а не иначе; но событія пошли такъ быстро, что никакія объясненія не могли остановить ихъ напора, истекшаго изъ другихъ и заранѣе подготованныхъ соображеній и цѣлей. Кажется, на другой же день объявлено было высочайшее повелѣніе, что Дубенскій увольняется, для управленія Департаментомъ образуется особый Совѣтъ изъ нѣсколькихъ сенаторовъ, а Киселеву присвоено званіе докладывающаго Государю по дѣламъ этого Совѣта. Этотъ внезапный разгромъ вполне оправдалъ священныя слова: „поражу пастыря, и разыдутся овцы!“ Дубенскій, дѣйствительно, былъ страшно пораженъ; свергнутый съ своего величія, онъ, естественно, не могъ ничего другаго ожидать, кромѣ еще болѣе тягостныхъ послѣдствій. Мы бродили въ какомъ-то туманѣ и тоскливо ожидали, что будетъ дальше, въ какомъ-то безотчетномъ убѣжденіи, что чѣмъ дальше, тѣмъ будетъ хуже. Вообще мы имѣли видъ какихъ-то и почему-то осужденныхъ. III... .., исполненный большихъ грѣховъ и бѣдный характеромъ, первое время скрылся вовсе изъ Департамента, подъ видомъ болѣзни.

Съ расчетомъ или безъ расчета, Временный Совѣтъ для управленія департаментомъ образованъ былъ

(конечно не безъ участія Киселева) изъ людей самыхъ бездарныхъ. Тутъ былъ древній сенаторъ К., тутъ былъ извѣстный авторъ „Семейства Холмскихъ“ Бѣгичевъ, человѣкъ добрый, но ничтожный администраторъ; тутъ были и другіе господа, столько же капитальные. Нѣчто въ родѣ председательства было предоставлено тоже сенатору, Демьяну Кочубею, безспорно, разумѣйшему изъ другихъ членовъ Совѣта. Киселевъ, присвоивъ себѣ скромное наименованіе простаго докладчика Государю по дѣламъ Совѣта, съ разу становился министромъ и поводителемъ этаго Совѣта, который положительно трепеталъ предъ нимъ. Это я могу сказать утвердительно, потому что, какъ послѣдствія покажутъ, въ этомъ періодѣ преобразованія управленія государственныхъ имуществъ я былъ не послѣднею спицею въ колесницѣ...

Не знаю, почему, но Киселеву захотѣлось, не смотря на значительный составъ подчиненнаго ему V Отдѣленія Собственной Е. В. Канцеляріи, приобрести, для веденія дѣлъ, которыя будутъ поступать къ нему изъ Временнаго Совѣта, особаго чиновника и именно изъ числа чиновниковъ прежняго управленія. Когда это намѣреніе сдѣлалось извѣстнымъ, всѣ мы напряженно слѣдили: кого именно приобрететъ Киселевъ? Мы знали, что этотъ счастливый избранникъ будетъ имѣть существенное вліяніе и на дѣла наши, и на лица и во всякомъ случаѣ составлять единственную связь между міромъ новымъ и міромъ старымъ. Надобно замѣтить, что въ Канцеляріи Министра Финансовъ состояли особые секретари, изъ которыхъ каждый занимался спеціально дѣлами того или другаго департамента. Такъ точно тамъ былъ

и секретарь по Д-ту Государствен. Имуществъ, и къ нему-то, прежде всего, было обращено требованіе отъ имени Киселева. Я не помню личности этаго секретаря; но намъ тотчасъ сдѣлалось извѣстнымъ, что онъ, подъ вліяніемъ, какъ говорили тогда, трусливыхъ соображеній, уклонился отъ этаго приглашенія. Затѣмъ обратились къ секретарю, состоявшему при директорѣ д-та, князю Баратову. Это была милѣйшая, юная личность. Сынъ богатаго Казанскаго помѣщика, онъ просто былъ домашнимъ и любимымъ человѣкомъ Дубенскаго. О дѣлахъ онъ рѣшительно не имѣлъ никакого понятія и никогда ими не занимался. Требованіе Киселева до такой степени поразило его, что онъ тотчасъ вышелъ въ отставку подъ предлогомъ болѣзни, хотя былъ свѣжъ, юнъ и здоровъ, какъ персикъ. Нѣсколько дней прошло въ совершенной неизвѣстности, и въ этотъ промежутокъ мы, разумѣется, постоянно стремились прозрѣть и угадать, на кого падетъ выборъ. Общее убѣжденіе было таково, что выборъ будетъ сдѣланъ, во всякомъ случаѣ, между камеръ-юнкерами и вообще людьми, принадлежащими къ хорошимъ фамиліямъ, въ которыхъ у насъ въ Д-тѣ не было недостатка. Между тѣмъ въ этомъ вопросѣ, всѣхъ занимавшемъ, мы умѣли открыть и веселую сторону. Нѣсколько товарищей, сговорившись, объявляли вдругъ кому нибудь изъ нашихъ незнатныхъ и рядовыхъ тружениковъ, что Киселевъ требуетъ его къ себѣ, и наслаждались блѣдностію, которая мгновенно разливалась по его лицу. Разумѣется, шутка эта, удавшись два-три раза, скоро избилась и никого уже не вводила въ заблужденіе. Въ такомъ положеніи было дѣло, когда однажды

вечеромъ пришелъ ко мнѣ одинъ изъ моихъ товарищей, Волъватевъ (сдѣлавшійся впоследствии богатымъ и извѣстнымъ агрономомъ въ Петербургской губерніи) и засталъ меня спящимъ. Надобно сказать, что въ то молодое время сонъ мой былъ истинно-богатырскимъ, и разбудить меня было дѣломъ очень нелегкимъ и даже небезопаснымъ. Люди, которые служили у меня, хорошо знали и испытывали это. Привычка спать послѣ обѣда истекала изъ моихъ огромныхъ и трудныхъ занятій. Возратившись изъ департамента, утомленный морально и физически, съ портфелемъ, набитымъ бумагами, я долженъ былъ спать, чтобъ снова сидѣть цѣлую ночь за работою. Обыкновенно, ложась спать послѣ обѣда, я приказывалъ челоуѣку разбудить меня чрезъ два часа. Когда начиналась операція этаго разбуденія, между мною и челоуѣкомъ завязывались сначала нѣжные переговоры; но они скоро переходили въ борьбу, которую справедливо можно назвать вѣроломною. При первыхъ атакахъ моего врага, я кротко просилъ дать мнѣ еще полчаса поспать. Слуга, зная, что за подобныя снисхожденія ему же доставалось потомъ, когда я вставалъ и видѣлъ, что вмѣсто двухъ я проспалъ три, а иногда четыре часа, разумѣется, былъ неумолимъ, продолжая неотступно и жалобно выть надъ ухомъ: „да вставайте, баринъ, что это такое, Господи!“ Тогда я, на рубежѣ сна и пробужденія, начиналъ придумывать, куда бы его отправить съ какимъ либо порученіемъ, чтобъ только отвязаться отъ него. Но и эти хитрые планы, удавшись разъ или два, скоро теряли свою силу, и слуга, несмотря ни на какія мои приказанія, не отходилъ отъ меня съ своимъ вытьемъ. Тог-

да во мнѣ являлась злоба, и я старался или поймать его и, притянувъ къ себѣ, надавать ему тумаковъ, или пустить въ него чѣмъ ни попало. Но слуга хорошо зналъ этотъ опасный для него періодъ; при наступленіи его онъ скрывался въ другую комнату и продолжалъ оттуда тревожить меня какимъ нибудь длиннымъ орудіемъ: палкою, зонтикомъ, а иногда и кочергою и готовый, при малѣйшемъ моемъ движеніи, обратиться въ постыдное бѣгство... Часто случалось, что, пробудившись окончательно, я узнавалъ, что приходилъ тотъ или другой изъ товарищей, что у насъ въ карты играли, пѣли... для меня все это оставалось чуждымъ, хотя товарищи, гуртомъ и по одиночкѣ, принимались меня будить... Придя въ одинъ изъ такихъ вечеровъ, Волъватевъ, съ помощію моего слуги, старался тоже меня разбудить, но встрѣтилъ тоже самое упорство, о которомъ я сейчасъ говорилъ... Въ просонкахъ я слышалъ увѣренія Волъватева, что меня Киселевъ требуетъ; но я зналъ, что это избитая шутка и продолжалъ спать.

Слова Волъватева не были, однакоже, шуткою. Когда на другой день я пришелъ въ Департаментъ, мнѣ торжественно объявили, что, по требованію Киселева, изложенному въ официальной бумагѣ, я долженъ явиться немедленно въ V Отдѣленіе Собственной Е. В. Канцеляріи, къ управляющему имъ В. И. К-ву. Изъ какихъ соображеній и основаній образовалось новое мое назначеніе, для меня доселѣ осталось совершенно неизвѣстнымъ. Другіе полагали, что оно истекло единственно изъ моей репутаціи дѣлаваго чиновника. Нѣтъ нужды говорить, что я тотчасъ и страшно выросъ въ глазахъ всего Департамен-

та. Старики, заслуженные и поглядывавшіе доселѣ на меня съ высока, окружили меня и снабжали разными совѣтами. Я тотчасъ отправился въ V Отдѣленіе и явился къ В. И. К.

II.

V-е Отдѣленіе Собственной Его Величества Канцеляріи и генералъ Киселевъ. Дѣятели этого учрежденія: К—въ, Клоковъ, Калашниковъ. Мое первое знакомство съ генераломъ Киселевымъ. Мои занятія при генералѣ Киселевѣ. Поразительная быстрота въ работахъ. К—въ, какъ идеалъ чиновника прежняго времени. Полезное вліяніе этого періода на развитіе моихъ дѣловыхъ способностей. Положеніе нашего Дубенскаго.—Дѣятельность V Отдѣленія. Приготовительныя Комиссія, какъ рычагъ, чтобъ повалить старое и создать новое. Комическія отношенія К—ва къ толпѣ чиновниковъ, жаждущихъ мѣстъ. Губернаторскій комитетъ, созданный для разсмотрѣнія проектовъ новаго управленія государственными имуществами. Муравьевъ (М. Н.) и Гамалея, лучшіе ратоборцы этого комитета. Мое участіе въ законодательныхъ работахъ. Финансовый споръ генерала Киселева съ графомъ Канкринымъ. Выговоръ Государя за ошибки въ проектахъ.

В. И. К. былъ личностію весьма замѣчательною. Невысокаго происхожденія, онъ былъ первоначально мелкимъ чиновникомъ какого-то присутственнаго мѣста въ Казани или Саратовѣ. Въ тоже время, владѣя великолѣпнымъ почеркомъ, онъ былъ учителемъ чистописанія въ одномъ изъ знатныхъ домовъ роднаго его города. Случилось такъ, что извѣстный Желтухинъ проѣзжалъ чрезъ этотъ городъ на пути къ своему назначенію въ Молдавію и Валахію и обѣдалъ въ томъ самомъ домѣ, гдѣ училъ К—въ и хозяинъ котораго былъ старинный пріятель Желтухину. По рекомендаціи ли хозяина, или просто случайно, Желтухинъ обратилъ вниманіе на К—ва и предложилъ ему служить у себя. К—въ тотчасъ согласился и отправился

за счастіемъ въ новую и неизвѣстную страну. Здѣсь должно кстати замѣтить, что въ этомъ отношеніи я говорю то, что слышалъ въ различныхъ разказахъ, а повѣрять эти разказы по дѣйствительнымъ источникамъ я не имѣлъ ни охоты, ни времени. Одаренный безпримѣрными способностями чиновника, К—въ быстро пошелъ тамъ по пути успѣховъ и скоро сдѣлался правителемъ канцеляріи своего главнаго начальника. Въ этой должности засталъ его Киселевъ, назначенный послѣ Желтухина. Съ умомъ Киселева не трудно было понять, какое приобрѣтеніе онъ находитъ въ В. И. К—вѣ и, разумѣется, онъ держалъ его при себѣ все время, до того момента, пока по политическимъ обстоятельствамъ наше управленіе Молдавіею и Валахіею упразднилось, и самъ Киселевъ былъ отозванъ. Когда К—въ прибылъ въ Петербургъ, Киселевъ, своимъ покровительствомъ, предоставилъ ему мѣсто директора Хоз. Д-та въ Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ. За тѣмъ, когда Государь предоставилъ Киселеву образовать V-е Отдѣленіе и заняться преобразованиемъ государственныхъ имуществъ, Киселевъ назначилъ его управляющимъ этимъ отдѣленіемъ, хотя въ то время К. былъ только въ чинѣ статскаго совѣтника.

У К—ва въ то время было, въ составѣ V Отдѣленія, два главныхъ помощника, которые носили названіе дѣлопроизводителей: Клоковъ и Калашниковъ. Клоковъ происходилъ изъ купческаго званія Саратовской губерніи, получилъ прочное образованіе, кажется, въ Педагогическомъ Институтѣ и былъ человѣкомъ умнымъ и замѣчательнымъ. Онъ долго служилъ по государственнымъ имуществамъ и, до перехода въ V Отдѣле-

ніе, былъ самымъ капитальнымъ и уважаемымъ начальникомъ Отдѣленія въ нашемъ Д-тѣ. Независимо отъ этой должности, онъ состоялъ при II Отдѣленіи Собственной Е. В. Канцеляріи, и едва ли не всѣ узаконенія, внесенныя въ Сводъ по части государственныхъ имуществъ, принадлежали его перу. Когда приступили къ образованію V Отдѣленія, онъ первый, вслѣдствіе своей знаменитости, приглашенъ въ составъ его, и я могу сказать, какъ свидѣтель и очевидецъ, что онъ былъ тамъ главнымъ строителемъ новаго зданія. Самъ Киселевъ называлъ его своимъ учителемъ, хотя въ послѣдствіи, съ образованіемъ Министерства Государственныхъ Имуществъ, когда Клокову данъ былъ въ управленіе 2-й д-тѣ, этотъ милый ученикъ дѣлалъ ему много горя...

Калашниковъ былъ Сибирякъ, случайно ставшій, еще на родинѣ, въ весьма близкія отношенія съ пріятелемъ Сперанскаго Словцевымъ. Объ отношеніяхъ этихъ Калашниковъ всегда вспоминалъ съ глубокимъ благоговѣніемъ. Они дали ему образованіе и проложили дорогу въ Петербургской службѣ. По прибытіи сюда, онъ скоро женился на дочери Масальскаго, сестрѣ извѣстнаго автора романовъ. Самъ Калашниковъ тоже былъ авторомъ „Дочери Купца Жолобова“, „Камчадалки“ и другихъ произведеній съ Сибирскимъ характеромъ, которые въ свое время имѣли значительный успѣхъ. Калашниковъ былъ типомъ Русскаго человѣка съ большимъ запасомъ природнаго ума и совершенно-безпечнымъ характеромъ. Находясь съ нимъ въ близкихъ отношеніяхъ, я не помню времени, когда-бы Калашниковъ, съ своею обширною и милою семьею, не нуждался

въ деньгахъ и не искалъ бы случая и возможности занять ихъ. Но какъ скоро являлась такая возможность, Калашниковъ бралъ деньги и тотчасъ задавалъ пиръ на весь міръ. Отъ этого произошло, что хотя въ послѣдствіи онъ занималъ значительныя должности, но на старости лѣтъ сильно нуждался и умеръ въ крайней бѣдности, облеченный впрочемъ чиномъ тайнаго совѣтника.

Говорить о другихъ личностяхъ, принадлежавшихъ тогда къ составу V Отдѣленія, я не считаю нужнымъ, потому что это, не представляя большаго интереса, утомило бы только вниманіе того, кто вздумаетъ читать мои Записки. Тамъ былъ, впрочемъ, въ качествѣ помощника дѣлопроизводителя, нѣкто Б., который, углубившись въ составленіе проекта уголовного кодекса для крестьянъ, сошелъ съ ума. Онъ вообразилъ, что старшая изъ дочерей К—ва, дѣвушка весьма красивая, страстно влюблена въ него и что дѣло пришло бы къ удовлетворительному окончанію, если бы не препятствовали тому совокупныя интриги нѣкоторыхъ высокихъ лицъ и артистовъ Итальянской оперы. Онъ утверждалъ, что когда бывалъ въ оперѣ, то ясно видѣлъ, какъ пѣвцы перемигивались съ N. N. и насмѣшливо глядѣли на него. Подъ вліяніемъ этого убѣжденія онъ послалъ жалобу Государю; въ слѣдствіе чего по высочайшему повелѣнію былъ освидѣтельствованъ и, разумѣется, найденъ сумашедшимъ. Ему дали хорошую пенсію и уволили отъ службы.. Былъ еще тамъ Ш., замѣчательный типъ промышленниковъ своего рода. Изъ формуляра его видно было, что онъ былъ во всевозможныхъ университетахъ и проходилъ всевозможные факультеты. Дѣйствительно онъ имѣлъ

видъ человѣка умнаго и образованнаго, съ даромъ слова и вкрадчивымъ обращеніемъ. Къ сожалѣнію, всѣ эти дарованія обращены были на дѣятельность самую позорную. Онъ объявилъ себя, разумѣется не печатно, поставщикомъ всевозможныхъ мѣстъ и, какъ паукъ, ловилъ въ свои сѣти довѣрчивыхъ мухъ, въ такомъ обиліи слетающихся въ Петербургъ за счастьемъ, въ видѣ хорошихъ мѣстъ. Жилъ онъ роскошно, безъ сомнѣнія для того, чтобъ ослѣплять своимъ положеніемъ провинціальныхъ простаковъ. На каждомъ балѣ его всегда можно было отыскать жертву, на счетъ которой этотъ балъ давался, гдѣ нибудь въ углу, съ провинціальными манерами, въ костюмѣ произведенія какого нибудь туземнаго Иванова изъ Парижа. Отыскиваніе на балахъ Ш-ва этихъ личностей и постоянное наблюденіе за ними было для насъ съ Калашниковымъ любимымъ и забавнымъ дѣломъ. Ш. брался доставлять всевозможныя мѣста, начиная съ губернаторскихъ; все различіе заключалось въ цѣнѣ, какая за каждое мѣсто имъ опредѣлялась. Впрочемъ это главное его занятіе не препятствовало ему входить въ другія темныя дѣла, такъ что конецъ его оригинальной дѣятельности былъ самый печальный: замѣшанный во множествѣ гнусныхъ дѣлъ, онъ попалъ въ тюрьму и скоро умеръ...

Когда я явился въ V-е Отдѣленіе, К — въ объявилъ мнѣ, что по волѣ Киселева я долженъ вести дѣла по Временному Совѣту, учрежденному для управленія Д-томъ Государственныхъ Имуществъ. Прежде, чѣмъ я успѣлъ оглядѣться въ новомъ положеніи, въ тотъ же день пріѣхалъ въ V Отдѣленіе самъ Киселевъ, прямо отъ доклада Государю. Пройдя въ

кабинетъ К — ва, онъ скоро потребовалъ меня, и я очутился лицомъ къ лицу съ тѣмъ страшнымъ чловѣкомъ, котораго пугливое воображеніе моихъ департаментскихъ сослуживцевъ представляло какимъ-то чудовищемъ. Первое впечатлѣніе, которое Киселевъ производилъ на другихъ, всегда было выгодно. Красивый, статный, съ прекрасными глазами, онъ былъ типомъ блестящаго царедворца. Принялъ онъ меня весьма любезно и ласково, говорилъ, что имѣетъ обо мнѣ отличные отзывы и въ заключеніе *просилъ* помогать Василию Ивановичу К. по дѣламъ Совѣта. Это первое свиданіе мое съ государственнымъ чловѣкомъ, только что возвратившимся отъ Государя, не могло не поднять меня въ собственныхъ моихъ глазахъ. Киселевъ скоро уѣхалъ, и вслѣдъ за тѣмъ К-въ, пригласивъ меня, поручилъ мнѣ отправиться къ нему въ домъ съ высочайшими указами, на которыхъ Киселевъ позабылъ выставить день и мѣсто высочайшаго подписанія. Съ портфелемъ, въ которомъ заключались такія государственныя бумаги, я отправился къ Киселеву. Онъ жилъ тогда на Мойкѣ, близъ Почтамта, въ небольшомъ одноэтажномъ домѣ Зурова. Вся обстановка его квартиры отличалась большою скромностію и не имѣла въ себѣ ничего блестящаго. У него было два кабинета: большой и малый. Въ большомъ онъ принималъ доклады, и я очень хорошо изучилъ эту, для многихъ страшную, комнату, потому что впоследствии я еженедѣльно являлся туда съ своими докладами. Въ маломъ, вѣроятно, онъ занимался, когда былъ одинъ. Когда камердинеръ доложилъ обо мнѣ, я былъ введенъ въ малый кабинетъ, въ которомъ, прежде всего, броси-

лись мнѣ въ глаза красныи обои и обиліе зеркалъ. При моемъ входѣ Киселевъ удивленно взглянулъ на меня; я тотчасъ объявилъ ему, въ чемъ дѣло. „Скажите, забылъ совсѣмъ!“ сказалъ Киселевъ. Потомъ началъ очень привѣтливо и продолжительно спрашивать меня о моемъ происхожденіи: кто мой отецъ, гдѣ учился и т. д. Мои ясныя отвѣты очевидно нравились ему. Сначала онъ говорилъ мнѣ „вы“, но потомъ скоро и незамѣтно перешелъ на „ты“, что служило хорошимъ признакомъ, потому что всѣмъ близкимъ людямъ, начиная съ К-ва, онъ говорилъ „ты“. Сѣвъ за письменный столъ, заваленный бумагами и не отличавшійся большимъ порядкомъ, онъ началъ изъ кучи перьевъ, лежавшихъ на столѣ, перебирать и пробовать одно за другимъ, съ улыбкою замѣтивъ мнѣ: „видишь, какой я бѣдный по части канцелярской“. Помѣтивъ указы, онъ ласково кивнулъ мнѣ головой, въ знакъ прощанья, и я бросился къ двери; но къ несказанному удивленію моему—дверь исчезла. Растерявшись, я быстро окинулъ глазами всю комнату, отыскивая выхода, но не находилъ ни одной двери. Киселевъ съ улыбкою смотрѣлъ на мое замѣшательство и, сказавъ „что, братъ, попался!“ указалъ мнѣ на одно изъ зеркалъ, которое совершенно маскировало дверь.

Войдя, такимъ образомъ, въ составъ V Отдѣленія, я не могъ не обратить вниманія на его обстановку. Помѣщалось оно тогда близъ Синяго моста, въ какомъ-то казенномъ домѣ, выходившемъ одною стороною на Мойку, а другою въ Новый переулокъ. Потомъ, когда образовалось Министерство, въ этомъ же домѣ, вмѣстѣ съ V Отдѣленіемъ, помѣщалась и Канцелярія Министра. Впослѣдствіи

домъ этотъ проданъ съ публичнаго торга, разрушенъ, и на мѣстѣ его построенъ огромный домъ Ягунчикова. Въ обстановкѣ V Отдѣленія меня, прежде всего, поразили прекрасныя шкафы съ различными, затѣйливыми надписями. Такъ на одномъ было написано: „работы органическія“, на другомъ: „историческіе матеріалы“. Видя эти надписи и зная, что V Отдѣленіе имѣло главною цѣлью составить новые проекты для управленія государственными имуществами, я тотчасъ выразилъ своимъ новымъ товарищамъ увѣренность, что эти великолѣпныя шкафы, безъ сомнѣнія, заключаютъ въ себѣ много готовыхъ уже и драгоцѣнныхъ работъ. Оказалось, что въ ту минуту въ нихъ рѣшительно ничего не было: никакихъ работъ, ни органическихъ, ни другихъ, не было не только сдѣлано, но и начато, и что вся дѣятельность V Отдѣленія до того времени ограничивалась текущею перепискою по образцовому управленію Петербургскою губерніею.

Я выше сказалъ уже, что Киселевъ, со дня учрежденія временнаго Совѣта, становился министромъ. И дѣйствительно: съ одной стороны всѣ важнѣйшія дѣла по Совѣту приходили къ нему, большею частію въ видѣ всеподданнѣйшихъ докладовъ (тѣ изъ этихъ докладовъ, которые соотвѣтствовали воззрѣніямъ Киселева, представлялись имъ Государю; по другимъ, которыхъ онъ не раздѣлялъ, онъ давалъ предложенія Совѣту съ изложеніемъ своихъ соображеній); съ другой стороны какъ само правительство, такъ и общество, смотря на него, какъ на министра, обращались прямо къ нему въ дѣлахъ, относящихся къ государственнымъ имуществамъ, помимо Совѣта. Такъ напр.,

всѣ заключенія по важнѣйшимъ изъ этихъ дѣлъ, требовались Комитетомъ Министровъ и другими министерствами непосредственно отъ самаго Киселева. Точно также различныя просьбы частныхъ лицъ большею частію направлялись также къ нему. Одни изъ этихъ дѣлъ и просьбъ, смотря по сущности ихъ и степени важности, передавались просто въ Совѣтъ, для надлежащихъ распоряженій; по другимъ Киселевъ или давалъ тому же Совѣту отдѣльныя предложенія, указывая направленіе, какое онъ считаетъ нужнымъ дать дѣлу, или дѣлалъ прямо докладъ Государю и сообщалъ высочайшія повелѣнія по принадлежности. Люди, знакомые съ бытомъ чиновничьимъ, поймутъ, что тутъ было работы много и стѣло-бы, по крайней-мѣрѣ, на цѣлое отдѣленіе. Все это, однакожъ, лежало исключительно на мнѣ одномъ, безъ всякихъ сотрудниковъ и помощниковъ. Но трудъ, какъ бы обширенъ онъ ни былъ, самъ по себѣ не подавлялъ бы меня, еслибы онъ не соединенъ былъ съ невѣроятною и почти бессмысленною быстротою, которою К... въ, самъ непостижимо быстрый въ работѣ, любилъ щеголять и которая отъ меня требовалась. Я рассказу, какъ шли наши занятія. Всѣ бумаги, адресованныя Киселеву, относились къ нему въ домъ, и онъ самъ распечатывалъ ихъ и читалъ. К... въ отправлялся къ нему съ докладомъ ежедневно въ 12 часовъ. Возвращаясь отъ доклада, часа въ два или три, онъ приносилъ кучу полученныхъ имъ отъ Киселева бумагъ и тотчасъ сдавалъ мнѣ съ примѣчаніями, что по каждой должно сдѣлать. Соображая массу этихъ бумагъ и краткость времени между возвращеніемъ его отъ доклада и объ-

ясненіемъ со мною, я рѣшительно не понималъ, когда К... въ имѣлъ возможность прочитать ихъ и постепенно пришелъ къ убѣжденію, что онъ, большею частію, не читалъ ихъ внимательно, а передавалъ мнѣ то самое, что ему приказывалъ Киселевъ. Моею непремѣнною обязанностию было въ тотъ-же день, разумѣется вечеромъ, рассмотреть всѣ эти бумаги, заготовить по нимъ проекты исполнительныхъ бумагъ, показать эти проекты К... въ и вообще распорядиться такъ, чтобы всѣ они на другой день были готовы къ докладу и чтобы ни одной бумаги, какого-бы свойства, содержанія, объема она ни была, не оставалось не исполненною. Сначала я сильно страдалъ въ этомъ, страшно-тяжеломъ и натянутомъ, положеніи, которое грозило рѣшительно убить заслуженную мною добрую репутацію. Часто было рѣшительно невозможно, въ теченіи одного вечера, не только исполнить всѣ данныя мнѣ бумаги, въ числѣ которыхъ нерѣдко случались очень пространныя и полновѣсныя, но даже только прочитать ихъ съ тѣмъ толкомъ и вниманіемъ, которыя требуются отъ каждаго дѣльнаго производителя. Мнѣ предстояло или сознаться въ безсиліи и тѣмъ уничтожить, вмѣстѣ съ прежнею репутаціею, и заманчивую будущность, которая предо мной открывалась, или, во что бы то ни было, побѣдить трудности, меня окружавшія.

Я съ благодарностію долженъ сказать, что занятія мои въ V Отдѣленіи, не смотря на страшную обременительность ихъ, принесли мнѣ пользу въ смыслѣ образованія моихъ дѣловыхъ способностей. V Отдѣленіе было для меня истинною школою, въ которой К... въ былъ великолѣп-

нымъ учителемъ. Тамъ я научился не смущаться никакими задачами, какъ бы трудны они ни были, смѣло встрѣчать каждую работу и благополучно выходить изъ всевозможныхъ положеній. К . . . въ былъ для меня такимъ же идеаломъ, какъ чиновникъ, какимъ потомъ былъ князь Барятинскій, какъ человѣкъ государственный. Поставленный въ самое безвыходное положеніе работами, превосходящими человѣческія средства, я сказалъ самъ себѣ, что лучше работать, пока могу и какъ умѣю, чѣмъ отступать, объявивъ во всеобщее извѣстіе свое безсиліе. Въ такомъ сознаніи я спокойно принималъ отъ К - ва бумаги и все вниманіе сосредоточивалъ на существѣ рѣшеній, данныхъ самимъ Киселевымъ и переходившихъ отъ него къ К - ву а отъ К . . ва ко мнѣ, стараясь удержать въ памяти главныя черты этихъ рѣшеній. Этого было достаточно. Тотчасъ послѣ обѣда, являясь снова въ V-е Отдѣленіе, я ближайшимъ образомъ обозрѣвалъ массу бумагъ, мнѣ переданныхъ. Если я находилъ, что у меня останется времени на подробное ихъ разсмотрѣніе, я приступалъ къ этому разсмотрѣнію; если же я находилъ, что цѣлаго дня не достало бы на одно прочтеніе ихъ, то, обозрѣвъ ихъ самымъ поверхностнымъ образомъ, я прямо начиналъ писать отвѣтныя бумаги, варьируя цвѣтистыми фразами на заданную тему. Этому смѣлому приему много способствовало, во первыхъ, то обстоятельство, что въ исполнительныхъ бумагахъ не излагалось содержаніе той бумаги, по которой дѣлалось исполненіе, а во вторыхъ пріобрѣтаемый каждымъ истинно-дѣловымъ человѣкомъ навыкъ по нѣсколькимъ отрывочнымъ фразамъ, взятыхъ съ отдѣльныхъ стра-

IV. 3.

ницъ, понимать тонъ и содержаніе бумаги. Бумаги, мною заготовляемыя, были, хоть и не столько дѣловиты, какъ бы слѣдовало, но всегда красивы и эффектны. Справедливость требуетъ сказать, что работать съ К - ымъ было чрезвычайно легко и приятно. Когда, часовъ въ 9-ть или 10 вечера, я приносилъ ему кучу заготовленныхъ мною бумагъ, онъ тотчасъ садился за письменный столъ и разсматривалъ ихъ. Бумаги, которыя приходились по его вкусу, онъ молчаливо возвращалъ мнѣ; бумаги, въ которыхъ находилъ какія либо неполноты, онъ также молчаливо дополнял и поправлялъ самъ, не теряя времени ни на какія разсужденія, зачѣмъ это такъ, а не этакъ (большею частію, какъ опытъ убѣдилъ меня, совершенно безплодна). Все это оканчивалось въ теченіи получаса или часа. За тѣмъ я раздавалъ бумаги писарямъ, а остатокъ вечера посвящалъ свѣтскимъ развлеченіямъ. Утромъ я читалъ переписанныя бумаги и часамъ къ 11-ти, передавая ихъ К - ву, уже для доклада Киселеву, ожидалъ новаго наплыва новыхъ бумагъ. Дѣло шло быстрымъ и великолѣпнымъ образомъ....

Само собою разумѣется, что занятія наши имѣли тѣсное соотношеніе съ дѣлами Временнаго Совѣта и состояли въ полнѣйшей зависимости отъ матеріаловъ, въ старомъ Д-тѣ находящихся. Мы или давали ему предложенія, или заимствовали у него различныя свѣдѣнія, необходимыя для сношеній съ другими мѣстами и лицами. Отношенія наши къ Д-ту, конечно, были отношеніями высшаго учрежденія къ низшему. Проводникомъ, или посредникомъ этихъ отношеній былъ я. Понятно, какъ много интереса приносилъ я съ собою, ког-

да приходилъ въ Д-тъ за какими нибудь справками, тѣмъ болѣе, что чиновники Д-та продолжали еще находиться въ ожиданіи различныхъ напастей. Весьма естественно, они жаждали новостей, а кто имъ могъ сообщить что нибудь новое, кромѣ меня? Старый мой начальникъ Ш., оправившись отъ первыхъ ужасовъ и силою своихъ знаній и опытности приобрѣвшій крѣпкое значеніе у членовъ Совѣта, не смотря на свои обычно-грубыя манеры, встрѣчалъ и провожалъ меня съ такою утонченною внимательностію, на какую только этотъ старый медвѣдь былъ способенъ. Вообще мое положеніе тогда представлялось до такой степени блестящимъ и высокимъ, что воображеніе моихъ прежнихъ сослуживцевъ и товарищей затруднялось даже опредѣлить: на какой ступени я буду поставленъ, когда создастся новое министерство, хотя, при этомъ созданіи, я остался, неожиданно для себя и для другихъ, совершенно на той-же ступени, на которой стоялъ и до этого переворота.

Нѣтъ нужды говорить, что всѣ распоряженія, исходившія отъ Киселева, представляли величайшій интересъ для Дубенскаго, и тутъ-то, какъ я выше замѣтилъ, для него дорогъ сталъ мальчикъ, который вѣкогда не дерзалъ возеодить на него, какъ на солнце, своихъ взоровъ. Въ этотъ тяжелый для него періодъ, ходило множество самыхъ тревожныхъ для него слуховъ; но грознѣе всѣхъ былъ слухъ о неизбѣжной ревизіи его дѣвствій. И дѣйствительно: всѣмъ было извѣстно страшное негодованіе на него Государя и непремѣнная его воля назначить ревизію. Свергнутой, униженный, оскорбленный, Дубенскій томительно проводилъ дни въ своемъ

домѣ и никуда не показывался. Весьма нерѣдко онъ приглашалъ меня къ себѣ самымъ обязательнымъ образомъ и тревожно спрашивалъ меня обо всемъ, что дѣлается. Я велъ себя, въ отношеніи къ нему, такимъ образомъ, что потомъ, когда бури пронеслись и все улеглось въ обширныхъ берегахъ новаго министерства, я сдѣлался близкимъ членомъ къ его семействѣ и постоянно являлся къ его хорошимъ обѣдамъ по Воскресеньямъ. Никакихъ услугъ, противныхъ моему долгу, я ему не дѣлалъ, потому что былъ исполнителемъ высшей воли и никакой самостоятельной силы не имѣлъ; никакихъ тайнъ я ему не открывалъ, потому что то, что я сегодня зналъ, на другой день осуществлялось и дѣлалось извѣстнымъ всѣмъ. Но въ моментъ его паденія, когда всѣ его бросили, всѣ отъ него отвернулись, я читалъ въ немъ падшее величіе и выражалъ это всѣми способами. Высочайшее повелѣніе о ревизіи, наконецъ, состоялось. Въ этомъ распоряженіи нельзя не предполагать сильнѣйшаго участія Киселева, для котораго главнѣйшею задачею было доказать, во что бы-то ни было, что прежній порядокъ былъ безпорядокъ и что истинный порядокъ изойдетъ изъ его головы. Ревизоромъ былъ назначенъ, если не ошибаюсь, сенаторъ Безобразовъ, слышій свирѣпѣйшимъ изъ сенаторовъ. (Впрочемъ, какія бы ни были личныя его свойства, онъ не могъ, какъ и всякій другой на его мѣстѣ, плыть противъ теченія). Ревизія длилась долго и, разумѣется, въ результатахъ ея оказалось — обиліе матеріаловъ для окончательнаго осужденія Дубенскаго. Дѣйствительно, Государь настоятельно желалъ предать его суду; но Киселевъ, достигнувъ вполне сво-

ей цѣли, сдержалъ гнѣвъ Государя, и судъ не состоялся....

Кромѣ дѣятельности, лично и непосредственно мнѣ принадлежащей, я долженъ коснуться занятій V Отдѣленія и по другимъ частямъ, тѣмъ болѣе, что въ этихъ занятіяхъ, приуговлявшихъ зданіе новаго министерства, я тоже принималъ немалое участіе. Занятія V Отдѣленія раздѣлялись на два рода: распорядительныя и законодательныя. Къ разряду распорядительныхъ главнѣйшимъ образомъ принадлежало образованіе особыхъ комиссій и отправленіе ихъ въ губерніи, для производства описанія государственныхъ имуществъ, или лучше сказать для изображенія настоящаго положенія, въ какомъ они находятся. Комиссіи эти составлялись, сколько помню, изъ пяти членовъ, изъ которыхъ одинъ назывался предсѣдателемъ, двое старшими, а двое младшими членами. Людей этихъ, которыхъ требовалось множество, набирали отовсюду, не исключая и Невскаго Проспекта. Киселевъ испросилъ высочайшее повелѣніе брать чиновниковъ изъ всѣхъ министерствъ, съ временнымъ откомандированіемъ къ V Отдѣленію. Многіе шли на эту службу охотно, увлекаемые распущенными слухами, что лица, участвующія въ комиссіяхъ, получаютъ прочныя мѣста въ будущихъ Палатахъ Государственныхъ Имуществъ, что и дѣйствительно имѣлось въ виду, хотя не было принято общимъ и непремѣннымъ правиломъ. Но такихъ желающихъ все-таки было мало для наполненія всѣхъ комиссій, и потому пришлось брать изъ отставныхъ, ищущихъ мѣстъ, чиновниковъ, всегда такъ обильно наводняющихъ Петербургъ. Сначала, разумѣется, придерживались силь-

ныхъ протекцій, хорошихъ отзывовъ, добрыхъ слуховъ, а потомъ уже просто заботились, чтобы шли только люди, отлагая разборъ ихъ до будущаго времени, и тутъ-то я разумѣю участіе Невскаго Проспекта.

Комиссіи эти назывались приуговлятельными. Обнадеженные различными обѣщаніями, они отправлялись въ губерніи и изготовляли кипы писанной бумаги. Какъ ни слабъ былъ составъ этихъ комиссій, они хорошо понимали, что вся ихъ задача состоитъ въ томъ, чтобы представить все въ самомъ отвратительномъ видѣ, оставивъ все это разными статистическими данными и другими письменными хитростями. Киселевъ отправилъ, первоначально и еще до переворота, пять комиссій въ нѣкоторыя, наиболѣе обильныя государственнымъ имуществомъ, губерніи. Донесенія этихъ комиссій, сопровождаемыя краснорѣчивыми докладами Государю, произведеніями искуснаго пера К - ва, были для Киселева главнымъ и сильнымъ рычагомъ для того, чтобы повалить прежнее управленіе. Когда это было сдѣлано, въ дальнѣйшемъ отправленіи подобныхъ комиссій не предстояло существенной надобности; но Киселевъ не могъ уже отступить отъ проформы, дорого стоящей государству, въ пользѣ и необходимости которой онъ самъ увѣрилъ Государя. Многоглаголивые донесенія этихъ комиссій имѣли уже мало цѣны. Когда они представлялись, К . . въ поручалъ самой-же комиссіи вообще, или кому нибудь изъ наиболѣе даровитыхъ членовъ ея, составить проектъ всеподданнѣйшаго доклада, по тому образцу, какой на этотъ случай предлагался; докладъ этотъ великолѣпно отдѣлывался краснорѣчивымъ перомъ К -

ва, представлялся Государю, и дѣло тѣмъ оканчивалось.

Между тѣмъ все это, въ то время, производило страшный шумъ вообще, а въ мірѣ чиновниковъ въ особенности. Напоръ всевозможныхъ искательствъ былъ для В. И. К-ва самымъ мучительнымъ, по натурѣ его, дѣломъ. Сухой, непредставительный, страшно занятый, подавляемый разнообразными приказаніями Киселева, онъ долженъ былъ ежедневно выдерживать истинную осаду толпы чиновниковъ, жаждущихъ мѣстъ и назначеній. Тутъ было много и комическаго..... Обыкновенно дѣло происходило такъ. Всѣ знали, что до доклада К-ва видѣть было невозможно и что отъ доклада онъ возвращался часа въ два. Къ этому времени приемная V Отдѣленія наполнялась алчущими и жаждущими. Какъ только дѣлалось извѣстнымъ, что К.-въ возвратился, весь этотъ людъ вставалъ, выравнивался, охорашивался и настраивалъ свои физиономіи на тотъ ладъ, какой каждый считалъ наиболее трогательнымъ и соответственнымъ грустному своему положенію. Худой, длинный, сутуловатый, К. . . . въ, при входѣ въ приемную, прямо приближался къ тому изъ просителей, который стоялъ на флангѣ и наклонялъ ухо, какъ бы для того, чтобъ внимательнѣе выслушать его изъясненіе. Тотъ обыкновенно начиналъ: „ваше превосходительство, позвольте имѣть честь“.. или „осмѣливаюсь доложить вашему превосходительству“..... или „позвольте прибѣгнуть къ благосклонному вниманію вашему“..... и т. д.; но прежде, чѣмъ онъ выпутывался изъ этихъ вступительныхъ фразъ и переходилъ къ существу своей просьбы, какъ К-въ, съ тѣмъ же наклоненнымъ ухомъ,

переходилъ уже къ другому, съ которымъ повторялась та же исторія. Такимъ образомъ выходило, что какъ будто К- въ всѣхъ выслушивалъ, а между тѣмъ не выслушалъ никого, и это убѣжденіе какъ-то неопредѣленно отражалось на лицахъ самихъ просителей. Въ слѣдствіе того, они являлись въ V Отдѣленіе на другой день, приумноженные въ своемъ числѣ новыми мучениками и смѣшанные въ одной, безразличной для К- ва, массѣ; потомъ приходили на третій день, ходили недѣли и мѣсяцы до того времени, когда для какойнибудь комисіи понадобится нѣсколько экземпляровъ: К- въ хватаетъ ихъ изъ толпы и отправитъ въ губернію. Во всѣхъ этихъ дѣйствіяхъ К- ва было мало достоинства, но за то много ловкости и комизма, разумѣется невольнаго для него. Этою неопредѣленностью своихъ отношеній къ просителямъ онъ постоянно и весьма продолжительно удерживалъ у себя подъ рукою кучу личностей, изъ которой онъ всегда могъ черпать, сколько ему угодно. Были, впрочемъ, люди, которые возмущались такимъ положеніемъ и, видя невозможность объяснить К-ву свои желанія и цѣли, удалялись съ проклятіями съ этого поприща, поистинѣ исключительнаго по своей оригинальности. Они, впрочемъ, несовсѣмъ были правы. Всѣмъ, которымъ приходилось имѣть дѣло съ просителями, хорошо извѣстно, въ какой ужасающей степени они многословны. Они могутъ быть уподоблены больнымъ хроническими болѣзнями, которые не только своихъ докторовъ, но и всѣхъ своихъ знакомыхъ осаждаютъ малѣйшими подробностями своихъ недуговъ. Каждый чиновный проситель непременно старается разъяснить, гдѣ онъ

служилъ, какъ онъ служилъ, какъ имъ былъ доволенъ его превосходительство и т. д. Нѣтъ сомнѣнiя, что еслибы К - ву назначено было выслушивать каждаго просителя подробно и внимательно, у него на одно это не достало-бы времени. Онъ видѣлъ и зналъ это и потому нашелъ бесполезнымъ терять на это время, столь необходимое для другихъ занятiй. Онъ зналъ, что всѣ эти господа желаютъ мѣсть, и для него этого было довольно. На этомъ желанiи, какъ на какомъ нибудь инструментѣ, онъ игралъ, какъ великiй артистъ. Кромѣ того, подобно тому, какъ по нѣсколькимъ фразамъ онъ угадывалъ содержанiе самой обширной бумаги, К . . . въ, по нѣсколькимъ отрывочнымъ и несвязнымъ фразамъ просителя, довольно точно зналъ, чего именно ему хочется. Но все это извѣстно было людямъ, хорошо изучившимъ, какъ я и другiе мои товарищи, характеръ и приемы К - ва. Просители, разумѣется, не могли знать этого и послѣ операцiи прохожденiя его предъ ихъ строемъ съ наклоненнымъ ухомъ, оставались изумленными и тоскливо смотрѣли другъ на друга. Здѣсь-то именно и являлся комизмъ, невольный для К - ва и просителей, но понятный мнѣ съ моими товарищами. Возвращенiя К - ва отъ доклада и своеобразнаго его объясненiя съ просителями мы всегда ожидали, какъ забавнаго представленiя, интересъ котораго не могъ не увеличиваться оригинальностiю многихъ провинциальныхъ личностей. Одна изъ этихъ личностей особенно увеселяла насъ разсказами о своихъ семейныхъ и хозяйственныхъ дѣлахъ и страшными сѣтованiями на К - ва, что онъ никакъ не даетъ возможности высказать ему положенiе этихъ дѣлъ.

Выведенный изъ терпѣнiя его невниманiемъ и равнодушиемъ, онъ рѣшился возвратиться восвояси и умолялъ только о томъ, чтобы ему дали свидѣтельство, что онъ желаетъ служить по новому управленiю. Когда К - ву было доложено объ этихъ настоянiяхъ, онъ велѣлъ удовлетворить имъ, и этому оригиналу, за печатью V-го Отдѣленiя, выдали свидѣтельство, удостовѣряющее, что предъявитель его дѣйствительно желаетъ служить по новому управленiю. Съ этимъ комическимъ свидѣтельствомъ, совершенно довольный, чудакомъ скрылся изъ Петербурга.....

Поглощаемый этими хлопотами К. мало или почти вовсе не занимался законодательными работами. Клоковъ дѣлалъ что-то, но такъ вяло и неопредѣленно, что ничего изъ его рукъ не выходило, и мы уже не знали положительно, что именно онъ дѣлалъ. Б . . въ возился съ своимъ судебнымъ уставомъ для крестьянъ, который онъ умѣлъ представить стольже почтеннымъ, сколько нескончаемымъ трудомъ и за которымъ, какъ за стѣною, онъ укрывался ото всѣхъ другихъ работъ, принадлежа вообще къ разряду тружениковъ, быть можетъ, полезныхъ, но тяжелыхъ и неповоротливыхъ и нисколько не отличающаго быстрыми способностями. Калашниковъ преимущественно занимался присканiемъ и займомъ денегъ. Впрочемъ по части займовъ и всѣ другiя личности V Отдѣленiя, были не безъ грѣха, такъ что касса этого учрежденiя видѣла у себя деньги только въ день полученiя ихъ изъ Государственнаго Казначейства, быстро опустошалась и въ такомъ видѣ оставалась до новаго полученiя. Но въ этомъ отношенiи никто не мучилъ такъ себя и другихъ, какъ Калаш-

никовъ... Въ отношеніи дѣловомъ, онъ умѣлъ ловко изворачиваться и представлять, что будто чѣмъ-то постоянно занятъ: то пойдетъ объясняться съ Кымъ о чемъ нибудь, то прочтетъ какую нибудь переписанную бумагу, то покричитъ на писаря за какое нибудь вранье въ рукописи „Автомата“ котораго онъ тогда сочинялъ.

Самымъ сильнымъ и трудолюбивымъ работникомъ былъ самъ Киселевъ, который почти каждое утро высылалъ кучу полулистовъ, исписанныхъ его крючковатымъ почеркомъ, на которыхъ онъ излагалъ различныя мысли и соображенія, относящіяся къ новому устройству государственныхъ имуществъ. Эти листы несомнѣнно свидѣтельствовали, что Киселевъ былъ дѣйствительно государственный человѣкъ; но такъ какъ они не требовали никакого поспѣшнаго исполненія, то и присоединялись, довольно небрежно, къ числу матеріаловъ для законодательныхъ работъ, до того времени, когда наступить моментъ для этихъ работъ.

Моментъ этотъ наступилъ неожиданно. Разнеслась вѣсть, что графъ Бенкендорфъ, этотъ любимецъ Государя, заболѣлъ серьезно въ своемъ имѣніи Фалль. Всѣ царедворцы опрометью бросились туда съ своимъ участіемъ. Киселевъ тоже предположилъ туда ѣхать. Предъ отъѣздомъ, за нѣсколько дней, онъ объявилъ К-ву, что, рассчитывая провести тамъ нѣсколько дней, онъ желаетъ, чтобъ ему представили все, что сдѣлано V Отдѣленіемъ по части законодательной. К. былъ въ страшномъ положеніи. По части законодательной у него не было ничего рѣшительно приготовлено; а сказать объ этомъ грозному для него Киселеву онъ не смѣлъ. Но если съ

одной стороны въ этотъ моментъ болѣе, чѣмъ когда либо, выразилась страшная его безпечность, то съ другой тутъ же проявилась вся сила его способностей и находчивости. Условившись съ Клоковымъ, они вдругъ исчезли, подъ видомъ болѣзни, изъ V Отдѣленія и заперлись дома. Въ нѣсколько дней, остававшихся до отъѣзда Киселева, они совершили гигантскій трудъ, изготовивъ двѣ первыя части новаго учрежденія: Сельское Управленіе и Волостное Управленіе. Какое впечатлѣніе произвелъ этотъ первый опытъ на Киселева, положительно мнѣ неизвѣстно; но есть поводъ предполагать, что онъ остался недовольнымъ, и имъ указаны многія измѣненія, потому что въ послѣдовавшихъ затѣмъ комитетахъ и главнымъ изъ нихъ, губернаторскомъ, читались, и именно мною, подъ видомъ новаго учрежденія, черновые листы, вновь изготовляемые Клоковымъ. Какъ бы то ни было, но съ того времени законодательныя работы оживились и быстро пошли впередъ. Въ то же время, какъ я сказалъ, стали учреждаться различныя комитеты и приглашаться извѣстные спеціалисты по разнымъ частямъ. Такъ я помню въ особенности такъ называемый юридическій комитетъ, въ которомъ игралъ главную роль Карніолинъ-Пинскій, бывший тогда оберъ-прокуроромъ Сената, а въ послѣдствіи сенаторомъ, столь извѣстный своими дарованіями (а преимущественно скандальнымъ процессомъ съ женою) и Плисовъ, служившій тогда во II Отдѣленіи Собственной Его И. В. Канцеляріи. Рекрутская часть поручена была мастеру по этой части Рѣпинскому, который тоже служилъ тогда во II Отдѣленіи, а въ послѣдствіи былъ также сенаторомъ. Наконецъ Киселевъ ис-

просилъ высочайшее повелѣніе вызвать, для разсмотрѣнія составляемыхъ V Отдѣленіемъ проектовъ, губернаторовъ нѣкоторыхъ губерній и образовать изъ нихъ особый комитетъ. На этомъ основаніи вызваны были, сколько помню, губернаторы: Московской—Олсуфьевъ, Курской—Муравьевъ, Тамбовской—Гамалея, Витебской—Жиркевичъ, Псковской—Пещуровъ, Саратовской—Переверзевъ. Къ нимъ присоединенъ былъ и Петербургскій губернаторъ Жемчужниковъ. Докладывать и объяснять проекты долженъ былъ Клоковъ. Клоковъ, какъ и всѣ другіе мои сослуживцы, зналъ, что я хорошо читаю и требовалъ, чтобы чтеніе проектовъ въ этомъ комитетѣ было возложено на меня. Такимъ образомъ я былъ, не скажу участникомъ, но свидѣтелемъ замѣчательнаго момента въ періодѣ преобразования. Тутъ-то я видѣлъ и зналъ положительно, что полнаго учрежденія составлено не было и что то начало его, которое (какъ я выше сказалъ) представлено было Киселеву, не пошло въ дѣло. Этого мало: Киселевъ очевидно не зналъ, что будетъ представлено комитету и не хотѣлъ уронить своего достоинства, подвергая разбору губернаторовъ работы, имъ уже просмотрѣнныя и одобренныя. Онъ предавалъ имъ на жертву V Отдѣленіе, оставаясь холоднымъ зрителемъ и свидѣтелемъ. Этой демонстраціи не чужды и другіе государственные люди. Клоковъ каждое утро выносилъ и передавалъ мнѣ, для чтенія въ комитетѣ, кучу листовъ и полулистовъ, исписанныхъ его оригинальнымъ некрасивымъ почеркомъ. То, что предстояло читать завтра, Клоковъ долженъ былъ изготовлять сегодня вечеромъ. Бѣдный Клоковъ! Едва-ли онъ имѣлъ болѣе трудныя и

тяжелыя минуты въ своей жизни, какъ тѣ, въ которыя онъ возился съ этимъ комитетомъ. Съ одной стороны тяжкій, напряженный трудъ по срочному приготовленію матеріаловъ для комитета, которыхъ прежде, до того времени, заготовлено не было, покрайней мѣрѣ вполне и отчетливо; съ другой самая свирѣпая атака, которымъ подвергался онъ въ комитетѣ, дѣлали положеніе его въ высшей степени затруднительнымъ. Губернаторы: Олсуфьевъ, Пещуровъ, Жиркевичъ, Переверзевъ, были баластомъ комитета. Жемчужниковъ весьма остро рассказывалъ какія-то забавныя исторіи и былъ увеселителемъ комитета. Истинною и замѣчательною силою его были: Муравьевъ и Гамалея. Предъ ихъ замѣчаніями ничто не могло устоять. Приготовлялись ли они къ предстоящему имъ дѣлу, или оно ужъ давно и близко было имъ знакомо въ слѣдствіе необъятной опытности, приобретенной ими въ различныхъ должностяхъ, я не знаю; но помню хорошо, что могущество ихъ свѣдѣній и соображеній поражало меня. Они-то и были истинными мучителями Клокова, который, при всей спеціальности въ подобныхъ работахъ, не могъ бороться съ ними. Различіе ихъ силъ несомнѣнно происходило отъ того, что Клоковъ былъ сильный теоретикъ, а Муравьевъ и Гамалея были умными и великолѣпными практиками. Гамалея былъ умѣреннѣе; но Муравьевъ страшно и неумолимо разилъ новое произведеніе, приправляя свои замѣчанія ѣдкостью, ему одному свойственною. Никакихъ журналовъ и докладовъ по этому комитету не составлялось; но ясно было, что губернаторы находились съ Киселевымъ постоянно въ личныхъ сношеніяхъ, и возвращенія ихъ на новыя работы бы-

ли хорошо ему извѣстны. Нѣтъ сомнѣнія, что изъ этихъ личныхъ соотношеній истекало основаніе, по которому Киселевъ призвалъ Гамалея къ участию въ новомъ управленіи....

По мѣрѣ движенія впередъ законодательныхъ работъ, приближалось время составленія штатовъ для новаго министерства. Нечего и говорить, что это былъ вопросъ самый интересный, не только для чиновниковъ стараго Д-та и V Отдѣленія, но и для чиновниковъ всѣхъ другихъ министерствъ. Извѣстно уже было, что новое министерство будетъ состоять изъ нѣсколькихъ д-товъ и что наполнить ихъ чиновниками двухъ своихъ учрежденій невозможно. По этому почти весь чиновническій міръ Петербурга всколыхался различными видами и расчетами. Извѣстно также было и то, что оклады новаго министерства будутъ богаче окладовъ другихъ вѣдомствъ, за исключеніемъ военнаго, въ которомъ они только предъ тѣмъ были подняты, тогда какъ повсюду оставались въ прежнихъ старинныхъ размѣрахъ. Дѣло составленія новыхъ штатовъ поручено А. П. Заблоцкому и мнѣ. А. П. Заблоцкій былъ тогда прикомандированъ къ V Отдѣленію, потому былъ начальникомъ отдѣленія въ министерствѣ, директоромъ Д-та Сельскаго Хозяйства и наконецъ исполняющимъ должность статсъ-секретаря въ Государств. Совѣтѣ. Заблоцкій былъ человекъ умный, образованный и извѣстный уже своими экономическими сочиненіями, что и было причиною приглашенія его въ новое министерство, въ которомъ хозяйственныя начѣла должны были стоять на первомъ планѣ. По учрежденіи министерства, онъ долго былъ издателемъ Журнала Министерства Государственныхъ Имуществъ. Въ

томъ же Д-тѣ, который первоначально носилъ названіе „Третьяго“, а потомъ переименованъ въ Д-тѣ Сельскаго Хозяйства, было двое молодыхъ людей: Гирсъ, въ послѣдствіи членъ Совѣта Министерства Финансовъ и Веселовскій, который, съ самаго начала своей службы, выказывалъ большую склонность къ ученымъ и литературнымъ трудамъ и въ послѣдствіи сталъ непремѣннымъ секретаремъ Академіи Наукъ. Оба они были столоничальниками и не только сотрудниками, но главными работниками по Журналу Министерства Госуд. Имущ. Когда мы приступили къ составленію штатовъ новаго министерства, разумѣется мы старались быть щедрыми и тотчасъ взяли нормою великолѣпные штаты, данные военному министерству. Съ обычнымъ тактомъ, Киселевъ, чтобъ не дразнить другія вѣдомства, сдѣлалъ нѣкоторое, незначительное впрочемъ, уменьшеніе этой нормы, такъ что, представляясь умѣренными сравнительно съ военными, наши штаты все таки были лучше всѣхъ другихъ.....

Всѣхъ подробностей моего участія въ законодательныхъ работахъ V Отдѣленія, весьма естественно, я и припомнить не могу; но считаю не лишнимъ привести еще одно обстоятельство, важное не по моему участию въ немъ, но по борьбѣ, возникшей между Киселевымъ и Канкринымъ, бывшимъ въ то время министромъ финансовъ. Проводя ту мысль, что каждое разстроенное хозяйственное имѣніе, какимъ онъ считалъ государственныя имущества, требуетъ, для своего исправленія, денежныхъ пожертвованій, Киселевъ, повидимому, въ первоначальнымъ своихъ соображеніяхъ полагалъ возможнымъ сдѣлаться полнымъ распорядителемъ всѣхъ денеж-

ныхъ источниковъ, какіе государственныя имущества представляютъ. Когда министръ финансовъ далъ сильнѣйшій отпоръ этому странному предположенію, утверждая, что всѣ государственныя доходы составляютъ принадлежность Государственнаго Казначейства и что всякій расходъ, за исключеніемъ опредѣленныхъ штатами и положеніями, долженъ находиться въ зависимости отъ министра финансовъ, Киселевъ, какъ бы не доверяя этому утвержденію, приказалъ изслѣдовать вопросъ этотъ исторически. Трудъ этотъ первоначально возложенъ былъ на Калашникова; но онъ успѣлъ какъ то-перевалить его на меня, такъ что я долженъ былъ совершенно закопаться въ книгахъ Полнаго Собранія Законовъ для извлеченія нужныхъ данныхъ. Составленное мною изслѣдованіе К-въ и другіе признали блестящимъ. Но не въ томъ дѣло. Оно показало, что съ самаго начала нашего законодательства всѣ государственныя доходы и расходы были поставлены въ полную зависимость отъ государственнаго казначея, т. е. министра финансовъ. Поэтому, отступивъ отъ первоначальной своей мысли, Киселевъ придумалъ другую комбинацію. Онъ вступилъ съ графомъ Канкринымъ въ слѣдующій оригинальный торгъ. Онъ предлагалъ изо всѣхъ прошедшихъ годовъ избрать самый лучший и высшій по поступленію доходовъ съ государственныхъ имуществъ и сумму этого года опредѣлить обязательно нормою для новаго министерства, съ тѣмъ, чтобы все, что будетъ выше, предоставлено было въ полное распоряженіе этого министерства, какъ результатъ его улучшенной администраціи. Онъ говорилъ, что Министерство Финансовъ, получая самый выс-

шій изъ прежнихъ доходовъ, ничего не потеряетъ, а между тѣмъ Министерство Государственныхъ Имуществъ будетъ имѣть средства для многихъ матеріальныхъ улучшеній въ своемъ вѣдомствѣ. Разумѣется, и это предложеніе было разбито въ пухъ и прахъ на томъ простомъ основаніи, что вмѣстѣ съ развитіемъ государства не могутъ не развиваться и всѣ отрасли государственнаго быта; что будущее и постепенное возвышеніе доходовъ государственныхъ имуществъ, подобно возвышенію торговли, промышленности и т. п., должно составлять явленіе естественное, а никакъ не непреложное свидѣтельство мудрости новаго министерства. Споръ длился долго, но, по моимъ соображеніямъ, не въ слѣдствіе сущности его, а единственно потому, что Киселевъ, избранный Государемъ строителемъ новаго зданія, пользовался особеннымъ его благоволеніемъ и поддержкою, и потому какую бы странную затѣю ни предпринялъ Киселевъ, ее опасались называть по имени. Я помню, что предъ самымъ открытіемъ министерства, Киселевъ спросилъ министра финансовъ, не представится ли возможнымъ предоставить для его помѣщенія домъ, занимавшійся тогда Д-томъ Государственнаго Казначейства (въ Большой Садовой). Принадлежала ли эта мысль Государю или Киселеву, я положительно не знаю; но самый вопросъ сдѣланъ былъ несомнѣнно съ высочайшаго свѣдѣнія. Графъ Канкринъ отвѣчалъ, что этотъ домъ ему самому нуженъ и между прочимъ упомянулъ какъ-то, что тамъ помѣщается часть недостаточныхъ чиновниковъ. Государь, которому Киселевъ доложилъ эту бумагу, покрылъ ее обширными собственноручными

замѣчаніями. Эта резолюція произвела тогда большой шумъ въ Петербургѣ. Точныхъ словъ Государя, разумѣется, я не помню; но помню, что главнымъ содержаніемъ ея было сѣтованіе, что какъ онъ несчастенъ, встрѣчая постоянно (?) противудѣйствіе своей волѣ и что какъ ему непріятно обыкновененіе раздавать квартиры чиновникамъ и т. п. *) Нѣтъ сомнѣнія, что еслибы графъ Канкринъ могъ предугадать содержаніе этой резолюціи, содержаніе его отзыва, волею-не-волею, было бы иное. Такъ точно было и въ другихъ дѣлахъ. Въ глазахъ всѣхъ опытныхъ людей, стремленіе Киселева присвоить себѣ независимое распоряженіе доходами государственныхъ имуществъ не можетъ не казаться страннымъ; но съ этимъ капризомъ обходились деликатно, изъ опасенія грознаго защитника Киселева. Впрочемъ, бѣдный не умомъ, а опытностью, Киселевъ умѣлъ таки достигнуть своей цѣли имѣть въ своихъ рукахъ деньги, и при установленіи сборовъ съ государственныхъ имуществъ опредѣленъ былъ особый сборъ на образованіе такъ называемаго хозяйственнаго капитала, который и составилъ дѣйствительно сильное и ни отъ кого независимое средство для всѣхъ хозяйственныхъ улучшеній и операцій.....

Въ V Отдѣленіи, не столько отъ недостатка рабочихъ силъ, сколько отъ неумѣнья распоряжаться ими, ничто не дѣлалось тихо, спокойно и постепенно. Напротивъ, или вѣсье ни-

*) Вотъ эти достопамятныя слова покойнаго Николая Павловича: «Расширять помѣщеніе и давать чиновникамъ квартиры есть всеобщая страсть, противъ которой я неотступно воюю, и потому заключаю, что не хотите уважить какъ мнѣ, такъ и новому моему учрежденію». (См. «Гражданинъ» 1872, № 32, стр. 499). П. Б.

чего не дѣлалось, или вдругъ закипала такая спѣшная, напряженная работа, которая рѣшительно всѣхъ съ ногъ сбивала. Такъ точно было и съ представленіемъ на окончательное утвержденіе всѣхъ составленныхъ проектовъ. Пока они исправлялись и дополнялись довольно небрежно и апатически, незамѣтно приблизилось 1 Января 1838 г., т. е. тотъ срокъ, когда все новое должно было возымѣть свою силу и дѣйствіе. Вдругъ всѣ чины V Отдѣленія изъ положенія, довольно спокойнаго, перешли въ состояніе, которое, по справедливости, можно назвать лихорадочнымъ. Собрали со всего Петербурга самыхъ отличныхъ писцовъ, началась переписка и прочитываніе. Всѣ суетились, какъ очумленные, тѣмъ болѣе, что многіе проводили ночи безъ сна. Но самое главное вниманіе обращено было на особое произведеніе, которое носило наименованіе: „Изложеніе главныхъ основаній преобразования управленія государственныхъ имуществъ“. Трудъ этотъ въ послѣдствіе Калашниковъ приписывалъ себѣ, но это было несправедливо. Онъ былъ совершенъ совокупными усиліями К - ва и Клокова. Калашникову, какъ литератору, предоставлено было только смотрѣть, чтобъ не вкралось въ него какого либо неправильнаго оборота и вообще грамматическихъ погрѣшностей. Всѣ были того убѣжденія, что это „только изложеніе“ и будетъ предметомъ особаго вниманія какъ Государственнаго Совѣта, такъ и самаго Государя, и потому обширныя томы, въ которыхъ излагались самыя учрежденія, были распределены между второстепенными чиновниками и вообще не пользовались особымъ попеченіемъ, какъ бласть, котораго читать не будутъ. И дѣйствительно, ни Клоковъ, ни К-въ,

ни Киселевъ вовсе не заглянули въ эти томы. Заглянулъ въ нихъ, сталъ читать и прочиталъ ихъ самъ Государь. Разумѣется, какъ и должно было ожидать, ошибокъ открылось множество; къ числу дѣйствительныхъ ошибокъ Государь причислилъ и такія вещи, которыя собственно не были ошибками, но составляли нововведенія въ правописаніи, какъ напр.: „вслѣдствіе того“ и т. п. Государь страшно разсердился и готовился чуть ли не посадить подъ арестъ самаго К., бывшего тогда государственнымъ секретаремъ; но Киселевъ, особымъ докладомъ, принялъ всю вину на себя, ссылаясь на чрезвычайную быстроту, съ которою изготовлялись всѣ эти работы.

III.

Открытіе новаго Министерства Государственныхъ Имуществъ. Первые директоры. Странія Клокова. Неожиданное паденіе барона Деллинсгаузена. Жеребцовъ. Кеппенъ. Т. О. Мои несбывшіеся расчеты. Книгиня Б. Канцелярскій чиновникъ—соперникъ своего министра. Мое постоянное дежурство при Киселевѣ. Неудавшаяся хитрость Энегольма. Жуковский. Новое участіе мое въ дѣлахъ V Отдѣленія.

Новое министерство наконецъ образовалось. Директоромъ перваго д-та назначенъ былъ Тамбовскій губернаторъ Гамалея, бывшій потомъ товарищемъ министра. Но въ то время, возвратившись въ свою губернію, онъ долго оставался тамъ, и на первыхъ порахъ д-томъ долженъ былъ управлять вице-директоръ Энегольмъ. Во второй д-тъ позже назначенъ директоромъ Клоковъ, который, въ этомъ назначеніи, обрѣлъ истинное свое несчастіе, никакъ не умѣя угодить Киселеву. Впослѣдствіи, когда я снова поступилъ въ V-е Отдѣленіе, я часто видалъ тамъ Клокова, который, по

окончаніи своего доклада, любилъ отъ Киселева заходить къ намъ. Онъ открыто проклиналъ Киселева и называлъ его „убійцею“ на томъ основаніи, что Киселевъ, какъ у насъ говорили, имѣлъ когда-то дуэль и застрѣлилъ кого-то *). Въ третій д-тъ назначенъ былъ директоромъ, уже не знаю по какимъ соображеніямъ, милѣйшій генералъ-адъютантъ баронъ Деллинсгаузенъ, печальная исторія котораго, въ свое время, возбуждала общее сочувствіе. Дѣло въ томъ, что около Пасхи, когда во дворцѣ былъ какой-то сборъ всѣхъ придворныхъ и знатныхъ лицъ, баронъ Деллинсгаузенъ вышелъ изъ дворца и ожидалъ своей кареты. Отысканная карета двинулась было впередъ, но жандармъ остановилъ ее и требовалъ, чтобъ она вошла въ очередь. Завязался споръ, во время котораго форейторъ барона Деллинсгаузена ударилъ кнутомъ жандарма. Когда баронъ возвратился домой, полицейскій чиновникъ тотчасъ явился требовать форейтора. Пылкій баронъ Деллинсгаузенъ завязалъ съ нимъ новый споръ, послѣдствіемъ котораго было весьма рѣзкое письмо его къ обер-полицеймейстеру. Кокошкинъ представилъ это письмо подлинникомъ Государю и, когда на свѣтлый день, въ числѣ другихъ, Деллинсгаузенъ, приблизился къ Государю христосоваться, грозный царь отстранилъ его и сказалъ, что съ ослушникомъ закона онъ христосоваться не желаетъ. Воспріимчивая натура барона Деллинсгаузена была глубоко поражена столь сильнымъ и неожиданнымъ гнѣвомъ Государя. Скоро онъ

*) Подробности см. въ 1-й книгѣ „Девятнадцатаго Вѣка“, въ Запискахъ Басаргина, П. Б.

вышелъ въ отставку, сталъ болѣть, уѣхалъ за границу и умеръ. Здѣсь надо замѣтить, что этотъ третій д-тъ, переименованный потомъ въ Д-тъ Сельскаго Хозяйства, становился, по самому учрежденію своему, на совершенно-отдѣльное отъ другихъ положеніе, съ характеромъ ученыхъ и прогрессивнымъ. Въ то время, когда другіе д-ты должны были идти обычнымъ путемъ всѣхъ другихъ д-товъ, пишущихъ бумаги и исполняющихъ существующіе законы, третьему д-ту предстояло чистое поле для инициативы всевозможныхъ родовъ. Агрономія, во всѣхъ ея отрасляхъ, кадастръ, ирригація, артезіанскіе колодцы, и тому подобныя новыя или неразработанныя у насъ вещи были его задачею. Поэтому всѣ тѣ, которые считались у насъ мыслителями и прожектерами, тотчасъ примкнули къ этому д-ту. Такъ вице-директоромъ поступилъ туда Н. А. Жеребцовъ, сдѣлавшійся впоследствии извѣстнымъ публицистомъ по крестьянскому вопросу и издателемъ разныхъ Французскихъ брошюръ, къ этому вопросу относящихся. Начальникомъ Статистическаго Отдѣленія въ тоже время, или немного позже, поступилъ туда А. П. Заблоцкій, о которомъ я говорилъ. Затѣмъ начальникомъ одного изъ другихъ отдѣленій былъ столь извѣстный академикъ Кеппенъ. Начальникомъ другаго—неменѣе извѣстный Т. О., неутомимый сочинитель и издатель всевозможныхъ экономическихъ брошюръ, личность, столь замѣчательная, что я буду имѣть случай обратиться къ ней не одинъ разъ. Директоромъ Канцеляріи, наконецъ, Киселевъ, ко всеобщему изумленію, назначилъ старца Т. . . чева, бывшаго впоследствии тоже сенаторомъ. Это назначеніе было старымъ

виномъ, влитымъ въ новые мѣха. Онъ когда-то прежде служилъ у Киселева, который и цѣнилъ въ немъ, какъ говорили тогда, большую аккуратность. Я буду имѣть случай рассказать, какова была эта аккуратность. V-е Отдѣленіе хотя исполнило свою задачу, но было оставлено въ полномъ составѣ. Киселеву было полезно, въ лицѣ В. И. К - ва, удержать при себѣ, на первыхъ порахъ, столь славнаго въ чиновномъ мѣрѣ джигита, къ которому онъ такъ привыкъ и который, по мановенію его, могъ дѣлать чудеса своего рода. И дѣйствительно, большая часть департаментскихъ докладовъ Государю, проэктовъ, представленій въ Государственный Совѣтъ, Комитетъ Министровъ и тому п. обдѣлывались изящнымъ перомъ К - ва, въ чемъ главнѣйше и сосредоточивалась дѣятельность V От-ія. Въ тоже время Петербургская губернія, попрежнему, оставлена въ его завѣдываніи.

Для того, кто будетъ читать мой нескладный рассказъ, здѣсь именно представится вопросъ: какими же благостынями воспользовался при образованіи новаго министерства я самъ, примкнувшій къ нему съ такими блестящими надеждами, принимавшій въ немъ такое дѣятельное участіе? Увы! — рѣшительно никакими. Репутація моя оставалась во всей своей чистотѣ; ничего вреднаго для меня не случилось, и всѣ мои товарищи съ участіемъ ожидали, что произойдетъ со мною, въ полнѣйшемъ убѣжденіи, что произойдетъ что нибудь великолѣпное. Не тутъ-то было. Я остался совершенно тѣмъ, чѣмъ и пришелъ въ V-е Отдѣленіе. Нѣкоторые изъ вновь назначаемыхъ директоровъ, и преимущественно Клоковъ, такъ хорошо знавшій меня и

по старому департаменту, и по V-му Отдѣленію, дѣлали мнѣ лестныя предложенія, но ни одно изъ нихъ не могло осуществиться. Начальники Отдѣленій, разумѣется, положены были въ VI классѣ и по убѣжденію Киселева должны быть замѣщены полковниками, или равными гражданскими чинами, а я былъ только титулярнымъ совѣтникомъ. Киселевъ (какъ, мнѣ говорили К - въ и Клоковъ) самъ жалѣлъ, что не могъ повысить меня; но никакъ не хотѣлъ отступить отъ закона и требовалъ, чтобы я прежде выслужилъ штабъ-офицерскій чинъ. Дѣлать было нечего. Я долженъ былъ бросить мечты, связанныя съ моментомъ учрежденія новаго министерства и перенести ихъ вообще на будущее; но мнѣ не хотѣлось уже поступать въ который либо департаментъ. Во всѣхъ министерствахъ служба въ канцеляріи министра считалась всегда виднѣе и эффектнѣе службы въ департаментахъ, и я поступилъ въ Канцелярію Министра Госуд. Имущество, какъ ни тяжело мнѣ было, послѣ блестящихъ отношеній съ истинно-даровитыми людьми, поступить въ команду Т-ева. Въ то время Канцелярія эта состояла изъ двухъ Отдѣленій. Одно должно было завѣдывать дѣлами по Совѣту Министра, куда должны были поступать наиболѣе важныя вопросы изъ департаментовъ, а другое называлось Распорядительнымъ и занималось опредѣленіемъ, формулярами, приказами и тому подобными предметами. Очевидно, что первое изъ этихъ Отдѣленій представлялось наиболѣе солиднымъ и капитальнымъ по своему назначенію и потому оно отдано было старому моему начальнику Ш - ву, который, во время существованія Временнаго Совѣта, сдѣлался

извѣстнымъ, какъ человекъ дѣловой и чрезвычайно опытный. Я поступилъ въ это Отдѣленіе. Другимъ отдѣленіемъ завѣдывалъ Холодовскій, взятый предъ тѣмъ изъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, человекъ въ высшей степени порядочный. Въ этомъ Отдѣленіи я много разъ, по разнымъ случаямъ, управлялъ столами, сохраняя и настоящую свою должность. Говорю это совсѣмъ не для того, чтобы выставить свою дѣятельность (потому что во всей Канцеляріи, на первыхъ порахъ, дѣла было очень мало), но чтобы показать, что меня всюду, такъ сказать, пихали, такъ какъ въ новомъ составѣ я былъ самый намѣтанный, самый знакомый съ новыми порядками человекъ. Все время, которое я провелъ въ Канцеляріи, было самымъ безцвѣтнымъ временемъ всей моей службы. Т - евъ умѣлъ наполнять свое время, лично распечатывая всѣ поступающія въ министерство бумаги и читая каждую съ начала до конца. Что дѣлали Ш . . . въ и Холодовскій, я не знаю; но мы положительно ничего не дѣлали и отъ праздности сдѣлались рѣшительно школьниками. Нѣтъ шалости, которой бы мы не выдумывали и не исполняли. Собирались мы чрезвычайно поздно и прежде всего спрашивали о разныхъ курьезахъ нашего директора, въ которыхъ никогда не было недостатка. Насъ болѣе всего забавляла столь обольстившая Киселева аккуратность Т - ева. Неизвѣстно, существуетъ ли въ другихъ министерствахъ обычай, чтобъ самъ директоръ канцеляріи распечатывалъ всѣ безъ исключенія бумаги, поступающія въ министерство. Впослѣдствіи я самъ былъ директоромъ и считалъ постыднымъ заниматься этою чисто-матеріальною

работою: пакеты вскрывались при мнѣ чиновникомъ. Но для Т. - ва это было главнымъ занятіемъ. Вскрывъ пакетъ, онъ прежде всего повѣрялъ номеръ, выставленный на пакетѣ, съ номеромъ, выставленнымъ на бумагѣ и, если видѣлъ какое нибудь различіе, тотчасъ гналъ чиновника въ то мѣсто, откуда пришла бумага, за справками и разъясненіями. Если случалось, что вскорѣ послѣ новаго года попадались бумаги съ полновѣсными номерами, онъ посылалъ справляться, нѣтъ ли тутъ ошибки: ибо, по его мнѣнію, съ 1 Января не могло быть выпущено столько номеровъ. Онъ во всемъ сомнѣвался и при малѣйшемъ сомнѣніи посылалъ за справками. Читая поступившія бумаги, онъ исправлялъ въ нихъ карандашомъ всѣ описки, какъ будто онъ за нихъ отвѣчалъ и испещрялъ ихъ различными замѣтками чисто-вишняго содержанія. Эта мнительность, однажды, впрочемъ была весьма кстати, хотя проявилась въ одномъ изъ тѣхъ случаевъ, въ которомъ рѣшительно только Т. - вь могъ усумниться и потребовать справокъ. Извѣстенъ обычай, по которому бѣднымъ чиновникамъ всегда дѣлаются пособія по случаю свадьбы, крестинъ, смерти и другихъ экстренныхъ происшествій въ ихъ частной жизни. Одинъ изъ нашихъ мелкихъ чиновниковъ представилъ записку, въ которой просилъ пособія на погребеніе умершаго отца. По своему обычаю, Т. . . . евъ велѣлъ предварительно справиться: дѣйствительно ли у него есть отецъ и дѣйствительно ли онъ умеръ? Всѣ были изумлены, когда оказалось, что у этого господина отецъ дѣйствительно есть, но что умирать и не думалъ, а напротивъ здравъ и невредимъ! —

Холодовскій, только въ другой формѣ, но былъ совершенно подѣлать Т.-еву и точно также мучилъ своихъ сотрудниковъ непрерывными недоумѣніями и справками. Разъ, это было при мнѣ, онъ спрашиваетъ чиновника, съ которымъ онъ работалъ: „какой часъ?“ Вынувъ свои часы, чиновникъ отвѣчалъ: „четверть пятого“. Тогда Холодовскій вынимаетъ свои часы и, взглянувъ на нихъ, съ удивленіемъ говоритъ: „А у меня только четыре! Отчего это?“ Чиновникъ прехладнокровно говоритъ: „Вѣроятно оттого, что или мои часы впереди, или ваши назади“. Холодовскій совершенно удовлетворился этимъ отвѣтомъ и, положивъ часы въ карманъ, продолжалъ свою работу.

Послѣ разспросовъ и разсказовъ о директорѣ мы принимались за шалости. Одною изъ нихъ было переглядываться съ княгинею Б., которая жила въ частномъ домѣ напротивъ Канцеляріи. Не знаю, какое удовольствіе находила княгиня въ нашихъ мимическихъ атакахъ, но что они нравились ей или забавляли ее, — это не подлежало ни малѣйшему сомнѣнію. Она или безпрестанно перебѣгала въ виду нашемъ по комнатамъ, противоположнымъ нашимъ комнатамъ, или садилась у котораго нибудь окна и бросала на насъ взоры. У женщинъ, привыкшихъ къ кокетству и особенно у женщинъ немолодыхъ, бываютъ странные и необъяснимые капризы. Какъ бы то ни было, но нашимъ милымъ и вполне невиновнымъ отношеніямъ къ княгинѣ былъ скоро и неожиданно положенъ конецъ самимъ Киселевымъ. Случилось это такимъ образомъ. Одинъ изъ нашихъ молодыхъ и незначительныхъ чиновниковъ былъ дежурнымъ и по обыкновенію оставался въ Канцеляріи и

послѣ обѣда, когда никого изъ другихъ чиновниковъ тамъ не было. Это время онъ нашелъ самымъ лучшимъ и удобнымъ для своихъ демонстрацій съ княгинею: ибо въ другое время, въ теченіи утра, онъ совершенно затушовывался другими, болѣе комъ-ильфотными, господами. Былъ прекрасный лѣтній день. Послѣ предварительныхъ мимическихъ перестрѣлокъ, чиновникъ беретъ листъ бумаги и огромными буквами выводитъ на немъ: „Я васъ люблю“ подобно тому, какъ пишутъ: „Сія квартира отдается“ и приставляетъ листъ къ стекламъ окна. Княгиня не смутилась ни этою смѣлостію, ни этимъ чистосердечіемъ. Она беретъ сама листъ и точно также пишетъ на немъ: „не вѣрю“. Чиновникъ тѣмъ же порядкомъ отвѣчаетъ: „Клянусь небомъ“. Но небо разгнѣвалось на него. Въ тотъ моментъ, когда чиновникъ опять приставилъ свой листъ къ стекламъ, въ противоположномъ окнѣ явилась во всей цѣлости фигура Киселева и погрозила нашему Донъ-Жуану указательнымъ перстомъ. Разумѣется, чиновникъ обомлѣлъ и скрылся въ заднихъ комнатахъ. Происшествіе это тотчасъ сдѣлалось извѣстнымъ и всѣ ждали, что будетъ? На другой, или на третій день Станкаръ, нѣкогда адъютантъ Киселева, а въ то время, о которомъ говорю, казначей и экзекуторъ Канцеляріи, объявилъ приказаніе Киселева, чтобъ чиновники вели себя скромнѣе.

Такъ тянулось это безцвѣтное время. Впрочемъ, въ началѣ учрежденія министерства, у меня была одна исключительная обязанность, въ нѣкоторой степени льстившая моему самолюбію. Я былъ въ теченіи довольно продолжительнаго времени постояннымъ и безсмѣннымъ дежурнымъ у

Киселева, пока постепенно образовался сонмъ чиновниковъ-порученій, секретарей и другихъ лицъ, принадлежащихъ къ свитѣ министра. Сначала обязанность эта правилась мнѣ, составляя особую печать отличія и доставляя мнѣ возможность видѣть многія интересныя личности. Кромѣ того, никто изъ смертныхъ, по общечеловѣческой слабости, не прочь поболтаться на глазахъ у большаго чловѣка, и этого наслажденія у меня такъ было много, что оно наконецъ потеряло для меня и цѣну. Киселевъ постоянно былъ любезенъ со мною; случались иногда недоумѣнія, но онъ всегда былъ снисходителенъ. Только разъ, или два, сколько помню, онъ выразилъ свое неудовольствіе. Одинъ изъ этихъ случаевъ былъ слѣдующаго содержанія. Однажды, въ день, назначенный для доклада перваго департамента, Киселевъ, выйдя въ свой большой кабинетъ, потребовалъ меня и спросилъ: „здѣсь ли Энегольмъ“? Энегольмъ, какъ я говорилъ уже, управлялъ сначала первымъ департаментомъ до пріѣзда Гамалея. Я отвѣчалъ, что нѣтъ еще. Черезъ нѣсколько минутъ Киселевъ снова звонитъ и опять спрашиваетъ Энегольма. Я повторяю свой отвѣтъ. Вскорѣ послѣ этого втораго вопроса пріѣзжаетъ Энегольмъ съ своими докладами. Когда я объявилъ ему, что Киселевъ спрашивалъ его два раза, Энегольмъ сильно поблѣднѣлъ и, когда я бросился докладывать, онъ упротилъ меня обождать, пока Киселевъ снова спроситъ и тогда сказать, что онъ, Энегольмъ, здѣсь. Не знаю, почему, но этому Нѣмецкому чловѣку казалось, что такъ будетъ лучше и что вина его, въ глазахъ Киселева, значительно облегчится. И дѣйствительно, скоро раздался сильный звонъ

колокольчика, знаменующій бурю. Когда я вбѣжалъ въ кабинетъ, Киселевъ, уже суровый, спросилъ: „здѣсь Энегольмъ“? Едва я сказалъ „здѣсь“, Киселевъ топнулъ ногою и громко вскричалъ: „что жъ ты не докладываешь“? Я бросился назадъ, чтобъ пригласить несчастнаго Энегольма и, вводя его въ кабинетъ, сказалъ Киселеву: „я не докладывалъ потому, что такъ желалъ его пр-во“ и съ этими словами вышелъ. Притворяя дверь кабинета, я слышалъ начало грозной рѣчи, обращенной къ Энегольму. Въ другой разъ дѣло было такъ. Киселевъ приказалъ мнѣ не принимать рѣшительно никого. Подобное приказаніе исполнялось потомъ всѣми дежурными самымъ непреклоннымъ образомъ. Едва я получилъ это приказаніе, входитъ Жуковскій, котораго дотогѣ я никогда не видалъ. Исполненный благоговѣнія къ его имени, (лишь только было оно произнесено), я опрометью бросился въ кабинетъ въ какомъ-то смутномъ убѣжденіи, что предъ знаменитымъ повтомъ всѣ возможные министры должны быть почтительны. Когда я доложилъ о Жуковскомъ, Киселевъ молчаливо погрозилъ мнѣ пальцемъ и велѣлъ просить его. Въ числѣ посѣтителей были, впрочемъ, и такіе, которые мало обращали вниманія на дежурнаго и прямо ломились въ кабинетъ. Изъ нихъ особенно безцеремонны были князь Орловъ, тогда еще графъ, князь Меншиковъ, графъ Леващевъ, которые, посѣщая Киселева почти ежедневно, казались задушевными его пріятелями. На этихъ же дежурствахъ я нерѣдко видалъ племянника Киселева, молодаго, весьма скромнаго и симпатичнаго молодаго челоуѣка, въ которомъ готовился Россіи великій государственный дѣятель, Николай Алексѣевичъ Милютинъ.

Но дежурить и вообще дѣйствовать на подобномъ поприщѣ не было моимъ назначеніемъ и, когда накопилось достаточно другихъ личностей подъ видомъ чиновниковъ-порученій, я незамѣтно уклонился отъ дежурства и сталъ искать серьезныхъ занятій. Когда я не нашелъ ихъ въ Канцеляріи, я сильно сталъ жаловаться на бездѣятельность, и жалобы эти сдѣлались извѣстны К - ву. Однажды, обратившись ко мнѣ, онъ сказалъ: „Я слышалъ, что вы скучаете безъ дѣла. Не хотите ли опять мнѣ помочь? Я былъ бы очень благодаренъ, если бы вы взяли на себя дѣла С. Петербургской губерніи, по правдѣ сказать, сильно у насъ запутанныя“. Я согласился. Сдѣланъ былъ докладъ Киселеву, и я снова сталъ работать въ V Отдѣленіи, сохраняя свое мѣсто и обязанности по Канцеляріи.

Подъ видомъ дѣлъ С.-Петербургской губерніи мнѣ указали просто уголъ, заваленный бумагами, въ самомъ хаотическомъ видѣ. Дѣла эти мало уже интересовали лично Киселева, и потому на нихъ, во всемъ блескѣ, отразилось равнодушіе К-ва.... На долгомъ пути своей служебной дѣятельности я встрѣчалъ не разъ подобныя натуры. При всей ихъ талантливости, они не имѣли успѣховъ, а иногда совсѣмъ затирались, именно вслѣдствіе своей безпечности. Напротивъ я зналъ и знаю много людей, несравненно менѣе способныхъ, которые выдвигались собственнo потому, что были точны и отчетливы и съ яростью брасались на дѣло, которое къ нимъ подходило. Не мнѣ судить о моихъ способностяхъ, но по натурѣ я всегда принадлежалъ къ послѣднему разряду: я не могъ быть покоенъ, я не могъ спать, пока за мною стояло какое нибудь дѣло;

я всѣми силами старался одолѣть и сбыть его, и отъ этого образовалась у меня репутація дѣятельнаго и быстраго дѣловаго человѣка. Впослѣдствіи, когда нѣкоторыя обстоятельства поставили мени въ соотношеніи съ Краевскимъ и мы должны были вмѣстѣ и много работать, онъ назвалъ это свойство вышшимъ выраженіемъ лѣтніи, стремящейся отбиться отъ всякаго дѣла, и въ этомъ оригинальномъ объясненіи я не могъ не признавать значительной доли истины...

IV.

Модный департаментъ новаго министерства: Сельско-хозяйственный. Директоръ его-фонъ Брадке. Мое поступленіе туда начальникомъ Отдѣленія. Незнакомая мнѣ дѣятельность и затруднительныя минуты, мною испытанныя. Уставы для фермъ и образцовыхъ садовыхъ заведеній. Приемы въ законодательныхъ работахъ. Отсутствие специальныхъ знаній въ административномъ мірѣ. Мои доклады министру. Ш. и его промышленные вечера.

Между тѣмъ въ то время, пока я занимался въ V Отдѣленіи дѣлами С. Петербургской губерніи, въ министерствѣ начались уже значительныя измѣненія по личному составу. Я не говорю уже объ управляющихъ палатами, которые переставались и смѣщались, какъ шашки; но уже и по департаментамъ новыя личности стали появляться вмѣсто старыхъ. Такъ точно изящный и ученый 3-й департаментъ перешелъ уже въ руки Е. Ф. Брадке, бывшаго предъ тѣмъ педогогомъ Киевскаго Учебнаго Округа. Самое это назначеніе свидѣтельствовало, что д-тъ этотъ именно ученый и что въ высшемъ его управленіи должны лежать не общія правила чиновничества, но начала науки и просвѣщенія. Но какъ никакой д-тъ не можетъ быть свободенъ отъ примѣси чиновничества или формалистики, то

для этой части данъ ему былъ, въ качествѣ вице-директора, Холодовскій, который на ней, какъ говорится, зубы съѣлъ. Фонъ Брадке, какъ человѣкъ, былъ ангелъ доброты, кротости, и всѣ подчиненные дѣйствительно, въ буквальномъ смыслѣ слова, любили его, какъ отца; но увы! какъ директоръ, онъ оказался несостоятельнымъ и скоро сталъ въ самыя дурныя отношенія съ Киселевымъ.

Я не могъ не слѣдить за всѣми этими измѣненіями, и чѣмъ болѣе происходило перестановокъ, тѣмъ болѣе я досадовалъ на установленіе чиновныхъ разрядовъ, которые отнимали у меня возможность двинуться впередъ. Поэтому, когда въ V Отдѣленіи наступило время представленія къ наградамъ, я требовалъ чина и затѣмъ рѣшительно ото всего отказывался. Хотя срокъ, установленный для производства за отличіе, у меня еще не выходилъ, но высочайшее повелѣніе о производствѣ меня состоялось съ такимъ условіемъ, чтобы оно было объявлено тогда, когда срокъ этотъ кончится. Это былъ, кажется, первый примѣръ подобнаго производства и принадлежитъ безспорно изобрѣтательному уму К-а; но въ послѣдствіи этотъ примѣръ подхватили и ввели въ общее употребленіе. Въ чиновномъ мірѣ, какъ и во всѣхъ другихъ сферахъ человѣческой дѣятельности, ученой, торговой, промышленной и т. п., стѣбитъ только одному выдумать и пустить въ ходъ какую либо хорошую и полезную штуку, какъ тотчасъ она сдѣлается общимъ достояніемъ. Съ штабъ-офицерскимъ чиномъ, котораго такъ упорно требовалъ отъ меня Киселевъ, какъ непремѣннаго условія для моего повышенія, я самоувѣренно сталъ ждать, какъ Гоголевъ

скій ревизоръ, когда и откуда придетъ курьеръ звать меня управлять, если не министерствомъ, то отдѣленіемъ. Надобно здѣсь замѣтить, что тѣ дѣла, которыми я занимался въ старомъ д-тѣ, по новому распредѣленію отошли ко 2 д-ту министерства. Занятія мои по V Отдѣленію и по Канцеляріи Министра сближали меня съ дѣлами 1 д-та. Слѣдовательно, отъ этихъ двухъ д-товъ съ наибольшею вѣроятностію могъ я ожидать предложеній, тѣмъ болѣе, что Клоковъ, намѣревавшійся приобрѣсти меня при самомъ образованіи министерства, не оставлялъ увѣрять меня, при каждой встрѣчѣ, что это намѣреніе сохраняетъ онъ во всей твердости и рано или поздно непременно исполнить его. Но предложеніе явилось съ другой стороны. Оно явилось со стороны 3 департамента, на который я, по его исключительному устройству, никогда не могъ и рассчитывать. Случилось это слѣдующимъ образомъ. Бадке, по вступленіи въ директоры этого д-та, скоро отправился въ губерніи, для обзора различныхъ сельско-хозяйственныхъ учрежденій, и управленіе д-томъ перешло къ Холодовскому, какъ вице-директору. Холодовскій, всмотрѣвшись въ личный составъ д-та, убѣдился, что въ этомъ составѣ есть много прожектёровъ и ученыхъ, но собственно дѣловыхъ людей очень мало. Особенно страдало 1 отдѣленіе, въ которомъ сосредочено было завѣдываніе агрономическими учрежденіями и которое переходило уже много разъ изъ рукъ въ руки съ одинаковымъ успѣхомъ. Холодовскій, въ борьбѣ съ неопытностью завѣдывающихъ этимъ отдѣленіемъ, съ непрерывными промахами, которые въ немъ совершались, предложилъ мнѣ взять это отдѣленіе. Предложеніе это не могло не погрузить

меня въ страшныя недоумѣнія: если, съ одной стороны тщеславное желаніе поступить скорѣе въ разрядъ начальниковъ отдѣленія (что въ мои лѣта представлялось очень эффектнымъ, не говоря о матеріальныхъ выгодахъ) и увлекло меня, то съ другой сознаніе въ себѣ полнѣйшаго отсутствія малѣйшей подготовки къ занятіямъ, мнѣ предлагаемымъ и опасеніе, какъ говорится, срѣзаться на новомъ поприщѣ, значительно смущало меня. Но V Отдѣленіе и особенно доблестный начальникъ его научили меня (какъ я говорилъ уже) ни предъ чѣмъ не отступать и смѣло атаковать затрудненія, какъ бы обширны они ни представлялись. Я принялъ предложеніе, и поступилъ начальникомъ отдѣленія въ 3 д-тѣ. Пока мѣсть шли переговоры, письменныя сношенія и другія формальности, возвратился и Бадке изъ своего путешествія. Само собою разумѣется, что предварительныя сношенія съ нимъ исполнены были величайшей съ его стороны деликатности и привѣтливости. Я намекалъ на свою неопытность и требовалъ снисхожденія. Онъ увѣрялъ, что д-тѣ счастливъ, приобрѣтая чиновника съ такою репутаціею. Однимъ словомъ, пройденъ весь тотъ церемоніаль, который обыкновенно совершается въ подобныхъ случаяхъ. Личностью своею Бадке не могъ не произвести на меня самаго отраднаго впечатлѣнія. Крошечный, съдой, лысый, горбатый, онъ былъ не красивъ; но въ то же время онъ былъ выше всякаго красавца, силою великолѣпной души, которая отражалась во всѣхъ его словахъ, поступкахъ и даже манерахъ. Его нельзя было не любить и не почитать, и всѣ, кого судьба ставила въ какія либо соотношенія съ нимъ, его любили и почитали. Послѣ любезностей, имъ сказанныхъ, мои опасенія еще

болѣе усилились. Я сильно боялся не угодить ему.

Какъ теперь помню день, когда формально и окончательно явился я въ д-тъ и обратилъ на себя глаза всѣхъ. Директоръ тотчасъ повелъ меня въ отдѣленіе и представилъ мнѣ чиновниковъ, къ нему принадлежащихъ. Вслѣдъ затѣмъ и прежде чѣмъ я успѣлъ перемолвить слово съ новыми моими сотрудниками, онъ выноситъ какія-то бумаги и проситъ рассмотреть ихъ и составить, для представленія завтра министру, соображенія, какъ разрѣшить вопросъ. Признаюсь, такого порученія я и ожидать не могъ. Человѣку, только что вступившему въ д-тъ, не имѣющему ни малѣйшаго понятія о новыхъ дѣлахъ, которыми онъ долженъ заниматься, поручить немедленно составить какія-то и о чемъ-то соображенія для представленія завтра же министру—было въ высшей степени оригинально со стороны Бадке. Былъ ли то опытъ моихъ способностей, я не знаю; но знаю, что для меня это былъ моментъ тяжелый и непріятный. Кровь ударила въ голову, и я съ минутой колебался: приняться ли за составленіе требуемыхъ соображеній или просить необходимаго и весьма естественнаго дозволенія предвзвѣтельно ознакомиться съ дѣлами. Но я тотчасъ сообразилъ, что отступление было бы постыдно и произвело бы, на первыхъ же порахъ, невыгодное впечатлѣніе. Въ переданныхъ бумагахъ я нашелъ какое-то представленіе и справки, составленныя д-томъ. Дѣло было въ томъ, что изъ Кизлярскаго училища винодѣлія отправлено было куда-то, кажется въ Нижній Новгородъ, для продажи, вино, но осталось непроданнымъ и начало портиться. Вопросъ былъ въ томъ, что

съ нимъ дѣлать? Я схватилъ бумагу, перо и мгновенно написалъ красивымъ почеркомъ (какимъ я владѣлъ тогда) докладъ министру, съ такимъ мнѣніемъ, чтобы поручить это несчастное вино покровительству мѣстнаго губернатора и просить его продать его немедленно, какимъ бы то средствомъ и по какимъ бы то цѣнамъ ни было. Соглашаюсь вполне, что никакого мудренаго изобрѣтенія тутъ не было, хотя и теперь, чрезъ десятки лѣтъ, я бы ничего другаго, въ данномъ случаѣ, придумать не могъ; но быстрота и бойкость, съ которыми я взялся за дѣло и сдѣлалъ его, спасли мою репутацію. Потомъ я возами сталъ отправлять къ себѣ на квартиру дѣла отдѣленія и, просиживая за ними ночи, быстро и исторически ознакомился со всѣмъ, что каждый дѣльный начальникъ отдѣленія знать долженъ.

Составъ моего отдѣленія, какъ и всѣхъ отдѣленій въ мірѣ, только въ самой незначительной части, былъ хорошъ, а въ общемъ видѣ далеко неудовлетворителенъ и имѣлъ много такъ называемаго между чиновниками балласта. На бѣду, самый капитальный изъ моихъ столоначальниковъ, С. самъ рассчитывалъ быть начальникомъ отдѣленія и, когда меня назначили, сталъ, на первыхъ порахъ, въ непріязненныя ко мнѣ отношенія и, разумѣется, былъ самымъ дурнымъ помощникомъ. Личность эта слишкомъ замѣчательна, чтобъ не посвятить ей нѣсколькихъ словъ. Огромнаго роста, съ формами Геркулеса, онъ былъ оригиналъ въ высшей степени. Онъ или вовсе не ходилъ въ продолженіи нѣсколькихъ недѣль, или предъ тѣмъ, какъ идти въ д-тъ, дѣлалъ прогулку въ Парголово и обратно. Такъ точно онъ или держалъ самую строжайшую діету, или вдругъ съѣдалъ десять порцій бифштек-

са. Все это онъ дѣлалъ по какимъ-то своимъ исключительнымъ умозаключеніямъ и объяснялъ самыми серьезными доводами. Будучи вообще человѣкомъ очень образованнымъ, онъ былъ одолѣваемъ любознательностью безпримѣрною. Нѣтъ знанія, нѣтъ искусства, съ которымъ бы онъ, хоть немного, не познакомился. Онъ игралъ на нѣсколькихъ инструментахъ, разумѣется очень дурно; рисовалъ, конечно еще хуже. Достаточно сказать, что въ мое время, при ограниченнѣхъ средствахъ столоначальника, онъ продолжалъ учиться фехтовать и ѣздить верхомъ, что немало забавляло его сослуживцевъ. Женщинъ онъ терпѣть не могъ и не могъ даже выносить ихъ присутствія, а когда впоследствии мы командировали его въ Горыгорѣцкій Институтъ по какому-то дѣлу, онъ мгновенно и неожиданно тамъ женился. Когда, наконецъ, у него родился первый ребенокъ, онъ нашелъ почему-то нужнымъ объявить объ этомъ въ газетахъ. Впоследствии онъ служилъ въ инженерномъ вѣдомствѣ военнаго вѣдомства и, какъ слышно было, знаменитый Тотлебенъ былъ отъ него въ восхищеніи. Я лично смотрѣлъ на него съ уваженіемъ; ибо, не смотря на всѣ его странности, онъ вообще былъ порядочный человѣкъ. Съ теченіемъ времени я старался измѣнить составъ отдѣленія и наполнилъ его молодыми людьми изъ числа первыхъ кандидатовъ Университета, которые охотно вступали въ нашъ модный д-тъ и еще охотнѣе прикомандировывались къ моему отдѣленію.

Вскорѣ послѣ вступленія моего въ 3-й департаментъ, я долженъ былъ приступить къ огромному и капитальному труду—составленію новыхъ уставовъ для агрономическихъ нашихъ

заведеній. Началось съ учебныхъ фермъ. Жеребцовъ, который особенно умѣлъ, на первыхъ порахъ, составить себѣ репутацію всевозможнаго знатока, раздѣлилъ всю Россію на нѣсколько полосъ, сходныхъ по почвѣ, климату, роду хозяйства и другимъ мѣстнымъ условіямъ. Въ каждой изъ этихъ полосъ предназначено устроить образцовую ферму, которая, примѣняясь къ мѣстности, показывала бы, какъ должно хозяйничать и распространяла бы усовершенствованные способы по всѣмъ отраслямъ хозяйства. Для этихъ фермъ надлежало составить положеніе и инструкціи, на основаніи которыхъ они должны были дѣйствовать. Какъ ни затрудняло меня незнакомство съ дѣятельностью подобнаго рода, но дѣло шло отлично, и Брадке постоянно былъ доволенъ и моею быстротою, и моими соображеніями. Подкрѣпленный его одобреніемъ, я съ положительнымъ успѣхомъ защищалъ свои произведенія въ Ученомъ Комитетѣ, состоящемъ при д-тѣ и, несмотря на атаки милѣйшаго изъ его членовъ и вообще изъ числа людей, князя Одоевскаго, скоро приобрѣлъ тамъ, по отношенію къ своимъ дѣламъ, вѣсь силу практическаго знанія дѣла. Потомъ, когда воротились изъ заграницы молодые люди, посланные туда собственно для агрономическаго образованія, надлежало распоряжаться самымъ учрежденіемъ учебныхъ фермъ, что не могло не представлять тысячи самыхъ сложныхъ и разнообразныхъ вопросовъ. Принесли ли эти фермы какую либо практическую пользу отечественному сельскому хозяйству, не знаю; но въ то время учрежденія эти казались намъ имѣющими громадное значеніе.

За тѣмъ очередь дошла до образ-

цовыхъ садовыхъ заведеній. Составленіе для нихъ новаго подробнаго устава съ различными историческими и статистическими выводами, не представляло, по крайней мѣрѣ для меня, вышедшаго изъ школы V Отдѣленія, большихъ затрудненій; потому что согласно приемамъ, оттуда заимствованнымъ и приемамъ, безспорно разумнымъ, всѣ уставы, какіе въ теченіи моей служебной и неслужебной дѣятельности выпадали на мою долю, я писалъ широкими чертами, относя всѣ подробности къ инструкціямъ, сколько для того, что не могъ большею частію опредѣлить этихъ подробностей, столько же и потому, что дѣйствительно считалъ, въ своемъ убѣжденіи, нелѣпымъ представлять на высочайшее утвержденіе частности, подобныя тѣмъ, которыми такъ обильно наполненъ нашъ Сводъ Законовъ. Впослѣдствіи взгляды этотъ сильно распространился и едва ли, не перекинулъ, въ послѣднее время, нашихъ законодателей въ противоположную крайность. Я видѣлъ много новыхъ законоположеній въ высшей степени серьезнаго значенія, но облеченныхъ въ такое изложеніе, которое было, какъ говорится, короче утиного носа. Если, въ такомъ видѣ, они и имѣли то достоинство, что открывали министрамъ и ближайшимъ дѣятелямъ большую свободу въ ихъ дѣйствіяхъ, то съ другой представляли уже опасеніе произвола въ такихъ предметахъ, которые должны имѣть прочное основаніе. Въ особенности такихъ краткихъ чрезъ чуръ законовъ было нѣкогда много, какъ я припоминаю, по Министерству Народнаго Просвѣщенія: цѣлыя и обширныя части преобразовывались на основаніи нѣсколькихъ параграфовъ. Но въ то время, о которомъ говорю, я имѣлъ

еще то побужденіе избѣгать въ моихъ уставахъ подробностей, что у насъ былъ Ученый Комитетъ, который я считалъ величайшимъ мастеромъ для установленія всевозможныхъ техническихъ подробностей. Но увы! мое убѣжденіе было ложно, мои соображенія были невѣрны. Приведу одинъ примѣръ. Едва было утверждено положеніе о садовыхъ заведеніяхъ, какъ Брадке пригласилъ меня воспѣшить составленіемъ для нихъ технической инструкціи. Удивленный такимъ неожиданнымъ порученіемъ, я замѣтилъ, что это должно быть, по моему мнѣнію, предоставлено Ученому Комитету, гдѣ есть специалисты, начиная съ того же Кеппена, о которомъ я выше говорилъ. Брадке отвѣчалъ, что отъ комитета нѣтъ надежды и дожидаться инструкціи и вновь просилъ меня заняться этимъ дѣломъ. Отказываться долѣе было невозможно, и я, не имѣющій понятія о садоводствѣ и съ трудомъ отличающій яблоню отъ груши, долженъ былъ изложить для самыхъ опытныхъ и глубокихъ саводовъ наставленіе, какъ они должны разводить сады. Разумѣется, въ самомъ дѣлѣ, при текущихъ дѣлахъ, я не могъ этого сдѣлать и потому, зайдя въ библіотеку и набравъ тамъ нѣсколько подходящихъ къ моему дѣлу книгъ, я пробѣжалъ ихъ дома, а на другой день была уже готова инструкція. Удивительно здѣсь не то, что я написалъ инструкцію по предмету, о которомъ не имѣлъ понятія, но то, что инструкція эта, внесенная на разсмотрѣніе Ученаго Комитета, найдена была вполне удовлетворительною и соотвѣтственною цѣли, что конечно не могло не изумить меня самаго, болѣе чѣмъ кого либо... Обстоятельство это показываетъ, во первыхъ, что при

недостаткѣ у насъ въ то время спеціальныхъ людей, обязанность ихъ исполнялась просто способными людьми, а во вторыхъ, что если у насъ и были спеціальныя люди, то они были очень плохи. Никто болѣе меня не сознавалъ, что такой порядокъ неестественъ и вреденъ; никто болѣе меня не желалъ, чтобъ этотъ порядокъ замѣнился правильнымъ, полезнымъ. Къ сожалѣнію я видѣлъ и въ послѣдствіи, что многихъ, просто способныхъ и смѣлыхъ людей смѣшивали съ людьми знающими. Впрочемъ, разнородный опытъ показалъ мнѣ, что спеціальныхъ людей надо держать въ сторонѣ отъ текущихъ дѣлъ и, не отрывая ихъ отъ ихъ спеціальности, спрашивать только ихъ мнѣнія въ тѣхъ случаяхъ, когда это представится нужнымъ. Спеціальныя люди, внѣ ихъ сферы, самыя плохіе дѣятели. Умственные ихъ силы, сосредоточиваясь на ихъ спеціальности, какъ будто не способны уже воспринимать другихъ впечатлѣній и примѣняться къ другой дѣятельности. Въ этомъ же департаментѣ были начальниками отдѣленій: академикъ Кеппенъ, о которомъ я говорилъ и Шопенъ, также извѣстный своими статистическими трудами, преимущественно по части Кавказа. Они были самыми плохими, до смѣшнаго, распорядителями и скоро были замѣнены другими. Кеппенъ, который управлялъ 2 отдѣленіемъ, замѣненъ былъ Струковымъ, бывшимъ въ послѣдствіи инспекторомъ сельскаго хозяйства Южной Россіи. Струковъ былъ сильнымъ моимъ соперникомъ. Владѣя большимъ образованіемъ и безпримѣрною дѣятельностью, онъ имѣлъ также большое значеніе въ д-тѣ, хотя во всѣхъ своихъ проэктахъ онъ былъ несчастливъ и именно потому, что не имѣлъ той практической дѣловой опытности,

которой у меня было такъ много. Отношенія мои съ Струковымъ были впрочемъ самыя дружескія, и въ послѣдствіи я былъ глубоко пораженъ, когда узналъ, что онъ заключилъ свою карьеру также, какъ и другой мой пріятель Д. П. Хрущевъ, т. е. сошелъ съ ума.... Только мы одни съ Струковымъ и ходили съ докладомъ къ министру.

Въ докладахъ этихъ былъ такой порядокъ: каждый д-тъ имѣлъ свой день, въ который директоръ этого департамента, сопровождаемый начальниками отдѣленій, являлся къ министру. Докладъ нашего департамента былъ по средамъ. Въ эти дни самъ Бадке и всѣ чиновники чрезвычайно рано собирались въ д-тѣ для окончательныхъ приготовленій къ докладу. По другимъ д-тамъ первоначально ходили къ докладу всѣ начальники отдѣленій, которыхъ дѣла докладывались; но Киселевъ скоро забраковалъ многихъ, боязливыхъ и не имѣющихъ дара слова. Бадке, вслѣдствіе ли этого опыта или по собственнымъ соображеніямъ, бралъ съ собою только двухъ нач. отдѣленій, меня и Струкова, и между нами распредѣлялись, независимо отъ нашихъ собственныхъ дѣлъ, дѣла другихъ отдѣленій, подлежащихъ докладу. Предпочтеніе это, безъ сомнѣнія, основывалось на томъ, что мы были смѣлы и рѣчисты. И дѣйствительно: не смотря на то, что всѣ трепетали Киселева, я любилъ ходить въ докладъ и смѣло смотрѣть въ огромные его глаза, которые онъ любилъ устремлять упорно на того, съ кѣмъ говорилъ... При этихъ докладахъ мы могли видѣть замѣчательную самостоятельность Бадке. Я не имѣлъ случая лично видѣть формуляра Бадке, но мнѣ говорили, что въ немъ есть замѣчательная и характеризующая его отмѣтка Арак-

чеева, слѣдующаго содержанія: „способенъ и достоинъ, но жаль, что часто забываетъ свой малый чинъ предъ старшими“. И дѣйствительно, кроткій и тихій съ подчиненными, онъ совершенно перерожденъ въ объясненіяхъ съ Киселевымъ и никакъ не покорялся предъ его величіемъ. Послѣ сильныхъ споровъ и столкновений съ министромъ, онъ мгновенно утихалъ и по прежнему становился самымъ добрымъ начальникомъ. Я живо помню, какъ почти ежедневно, по окончаніи присутствія, его маленькая фигурка катилась между мною и Струковымъ на Васильевскій островъ, гдѣ всѣ мы тогда жили. Вообще это было пріятнѣйшимъ періодомъ моей службы, и я не думалъ нисколько о какой либо переменѣ своего положенія, если бы вновь и опять совершенно неожиданно не явились обстоятельства, которыя вызвали эту перемену.

Служа въ 3 д-ть, я поддерживалъ крѣпко мои отношенія съ лицами V Отдѣленія и постоянно былъ знакомъ съ ними самымъ близкимъ образомъ. Никакой балъ въ этой средѣ не обходился безъ моего сильнаго участія, тѣмъ болѣе, что мои серьезныя занятія не мѣшали мнѣ быть записнымъ франтомъ и отчаяннымъ танцоромъ. Клоковъ, когда приходилось ему сочинить какой нибудь праздникъ, начиналъ съ того, что всю власть и всѣ распоряженія передавалъ въ мои руки. Также точно я постоянно присутствовалъ на тѣхъ балахъ и вечерахъ Ш-а, о которыхъ я уже выше говорилъ. Балы эти совершенно оправдывали то убѣжденіе, что Петербургское общество всегда радо веселиться, кто бы ни предлагалъ ему это удовольствіе. Несмотря на сомнительную свою репутацію, Ш. успѣвалъ сосре-

доточивать на своихъ вечерахъ довольно порядочное общество, придавая имъ полу-художественный, полулитературный характеръ и выкидывая съ своей стороны всевозможныя штуки, начиная съ огненныхъ фейерверковъ, которые всѣхъ забавляли и всѣмъ нравились. Помѣщеніе у него, было весьма эффектное и обставлено различными минералогическими, зоологическими и другими собраніями, которыя свидѣтельствовали о его обширной учености и вообще внушали достоподобное уваженіе, особенно людямъ непривычнымъ. Постояннымъ и наиболѣе почетнымъ гостемъ въ эти дни у Ш-а былъ извѣстный графъ Федоръ Петровичъ Толстой, бывший въ то время вице-предсѣдателемъ Академіи Художествъ и привлекавшій всѣхъ своимъ кроткимъ обращеніемъ и прекраснымъ лицомъ добраго старца. Тамъ я видѣлъ дочь его, только что вышедшую за Каменскаго, извѣстнаго въ свое время литератора и удивлялся рѣдкому соединенію красоты въ этой парѣ. Объ этомъ бракѣ въ то время ходило много поэтическихъ разсказовъ.

У Ш-а я видѣлъ постоянно нѣкогда влюбленнаго въ Толстую, Нестора Кукольника, которому было суждено потомъ жениться на Нѣмкѣ. Судьба этого человѣка замѣчательна. Я помню, что вскорѣ послѣ прибытія моего въ Петербургъ всѣ граждане его были объаты самымъ неистовымъ восторгомъ отъ Торквато-Тассо. Всѣ на перерывъ читали звучные стихи этого произведенія, и трудно представить для поэта и вообще для литератора славу блестящую той, какою въ то время пользовался Кукольникъ. О личности его ходили самыя разнообразныя слухи и всегда съ примѣсю чего нибудь поэтическаго. Говорили

что онъ красавецъ собой, что многія женщины и дѣвы заочно влюблялись въ него и что онъ былъ героемъ самыхъ романтическихъ приключеній. Увы! судьба скоро свела меня съ тѣмъ кружкомъ, главою котораго былъ Кукольникъ, а самыми дѣйствительными членами: Брюловъ, Глинка, Яненко, и др. Кто бывалъ въ этомъ кружкѣ, тотъ зналъ, что всякое поэтическое обаяніе тамъ исчезало и что главнымъ занятіемъ его были оргіи довольно дурнаго тона. Придумывалась напр. какая нибудь лоттерей-томбола, что въ то время было еще новизною, и задавался пиръ. Когда винные запасы истощались, Кукольникъ говорилъ рѣчь и собиралъ съ присутствующихъ деньги на подкрѣпление или возобновленіе этихъ запасовъ. Пѣсни преобладали. Въ большомъ ходу была: „рюмочки по столу похаживаютъ“, а еще болѣе „ходить вътеръ у воротъ“ изъ известной драмы Кукольника. Въ этой пѣснѣ Яненко производилъ страшный фуроръ, выдѣлывая языкомъ скрипичное пичикато. Кукольникъ, несмотря на то, что писалъ и ставилъ на сцену драмму за драммою, быстро падалъ, какъ литераторъ и какъ человѣкъ. Скоро онъ вовсе оставилъ литературу и обратился въ довольно плохаго чиновника военнаго министерства.

Также постояннымъ посѣтителемъ Ш. въ известные дни былъ знаменитый Гадей Булгаринъ и своимъ глухимъ голосомъ и отрывочною рѣчью велъ неистощимые рассказы изъ всего, что онъ видѣлъ и слышалъ въ своей разнообразной и продолжительной жизни.

Тамъ же я встрѣчался постоянно съ Т.-О. Кто не знаетъ Т.-О?. Есть личности, которыя, неизвѣстно какъ

и почему, дѣлаются извѣстными всему міру. Къ числу подобныхъ личностей принадлежитъ и Т.-О. Спросить кого нибудь въ Петербургѣ: знаетъ ли онъ Т.-О., все тоже, что спросить, гдѣ Казанскій соборъ?

Тамъ было много другихъ личностей, замѣчательныхъ въ томъ или другомъ отношеніи. Но перечисленіе и изображеніе ихъ завело бы меня слишкомъ далеко....

КРАТКОЕ ПРИМѢЧАНІЕ О ПОЛУОСТРОВѢ ТАВРИЧЕСКОМЪ И ОСТРОВѢ ТАМАНѢ.

Эта замѣчательная записка составлена вскорѣ послѣ присоединенія къ Россіи Крыма и была препровождена однимъ изъ подручниковъ князя Потемкина Таврическаго, генералъ-аншефомъ (впослѣдствіи графомъ) М. В. Каховскимъ президенту Военной Коллегіи графу Н. И. Салтыкову, въ Маѣ 1792 года. Подлинная рукопись находится въ Московскомъ Отдѣленіи Общаго Архива Главнаго Штаба. Читатели наши за сообщеніе этой записки обязаны неутомимому изыскателю и хранителю историческихъ сокровищъ этого архива, Григорію Николаевичу Александрову.

П. Б.

По новѣйшимъ астрономическимъ примѣчаніямъ:

Широта Перекопа 45 град., 59 минутъ, 31 секунда.

Широта Козлова 45 град., 13 минутъ, 10 секундъ.

Долгота Козлова выходитъ по сношенію таблицъ, на Парижскій меридіанъ сдѣланныхъ, отъ острова Ферро, 51 град., 6 минутъ.

Широта Севастополя 44 град., 40 мин., 35 секундъ.

Долгота Севастополя выходитъ, по сношенію таблицъ, на Парижскій меридіанъ сдѣланныхъ, отъ острова Ферро, 51 град., 40 минутъ, 45 секундъ.

Склоненіе магнитной въ компасѣ